

ПЕРЕПИСЧИЦА ШТОРМОВ

МАСТЕРСКОЙ УКРАДЕННЫХ РАССВЕТОВ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланаова

**Переписчица штормов
мастерской украденных рассветов**

«Автор»

2026

Светланова М.

Переписчица штормов мастерской украденных рассветов /
М. Светланова — «Автор», 2026

Адель Рен записывает штормы до того, как они входят в бухту. Каждый точный прогноз спасает Листвен, но отнимает у неё один безопасный час будущего. Когда аудитор Рем Сайр обнаруживает, что Мастерская продала рассвет его умершей матери, расследование приводит к тайному резерву: городская безопасность годами оплачивалась временем людей, которые не давали согласия. Чтобы остановить кражу, Адели придётся открыть собственный реестр, лишиться звания и пережить великий шторм без права на единственно верный ответ. Атмосферное романтическое фэнтези о профессиональной ответственности, границах согласия и любви, которая не обещает вечной защиты, а оставляет другому ручку с внутренней стороны двери.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Шторм, которого ещё нет	6
Глава 2. Аудитор с остановленными часами	9
Глава 3. Колба первого света	16
Глава 4. Безопасный час	23
Глава 5. Сестра, которая считает дни	29
Глава 6. Подпись мёртвой женщины	35
Глава 7. Покупатели темноты	42
Глава 8. Реестр без доноров	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мара Светланова

Переписчица штормов

мастерской украденных рассветов

От автора

Мы охотно доверяем точным предупреждениям, но редко спрашиваем, кто заплатил за их точность. Эта история родилась из вопроса о безопасности, которая выглядит общим благом, пока её цену не списывают с конкретного человека без его ведома.

Перед вами роман о профессиональном мастерстве, проверяемом доверии и праве не отдавать другому даже малую часть собственной жизни ради удобного обещания. Здесь любовь не отменяет расследование, а правильное намерение не освобождает от последствий. Пусть путь Адели через шторм напомнит: будущее становится общим не тогда, когда один человек видит его лучше всех, а когда многие могут назвать свои риски и быть услышанными.

Глава 1. Шторм, которого ещё нет

Шторм пришёл ко мне за шесть часов до того, как море узнало о нём.

Сначала по медному листу пробежала синяя жилка. Она возникла под моим пером сама, хотя я ещё не коснулась поверхности, и разветвилась к западному молу. Потом в закрытой комнате запахло мокрой верёвкой. Так пахли причалы после удара высокой волны — солью, пенькой и древесиной, которую долго держали под водой.

Я поставила на край стола песочные часы.

— Эмма, время.

— Девять минут после третьего колокола, — ответила ученица.

Она стояла у двери и не приближалась к листу. На первой неделе я объяснила ей правило: пока переписчица не назвала границу видения, никто не должен попадать между нею и выходом. Не из суеверия. Временные чернила иногда показывали самый короткий путь бури через живое тело.

Я обмакнула перо в стеклянную чашу.

Чернила были прозрачными. Цвет им придавало будущее.

«Реестр штормов, лист четыреста восемьдесят второй. Наблюдение начато за шесть часов до прилива».

За окнами Мастерской Рассвета Листвен просыпался под чистым небом. На рыбном рынке разворачивали навесы. Над крышами тянулись первые печные нити. Корабли у дальнего мола стояли так спокойно, будто море всю ночь училось притворяться камнем.

Я провела первую линию от Тёмного мыса к бухте.

В висках ударило холодом.

Шторм ответил.

Я увидела не картину, а выборы воды: войти между двумя волноломами; ударить в западный мол; поднять суда на швартовах; свернуть к соляным складам. Пока линии оставались бледными, всё это было вероятностью. Записанная линия становилась руслом. Чем точнее я называла час, высоту и место удара, тем меньше путей оставалось буре.

— Западный мол закрыть к пятому колоколу, — сказала я. — Рыбачьи суда перевести за внутреннюю цепь. Соляные склады очистить до нижнего яруса.

Эмма записывала обычными чернилами, не задавая вопросов.

— Высота?

Я повела пером вдоль края листа. Синяя жила поднялась на толщину ногтя, раздвоилось у третьей причальной башни и погасла.

— Семь локтей у мола. Четыре у рынка.

— Уверенность?

— Пока шесть долей из десяти.

Этого было мало для закрытия порта. Совет требовал восемь.

Я могла оставить запись такой. Капитаны получили бы предупреждение и сами решили, верить ли ему. Если буря свернёт севернее, город не потеряет день торговли. Если войдёт в бухту, у людей будет меньше четырёх часов на подготовку.

На дальнем причале разгружали пассажирский корабль. Даже отсюда я видела цветные узлы платков — семьи встречали тех, кто вернулся из летнего плавания.

— Продолжаем, — сказала я.

Эмма подняла голову.

— Вы уже записали два точных прогноза на этой неделе.

— Я помню.

— Госпожа Нира просила...

— Моя сестра не ведёт этот лист.

Слова вышли резче, чем я хотела. Эмма прижала карандаш к тетради.

— Нет, — сказала она. — Но она чинит вашу шкалу.

Шкалу нельзя было починить. Часовщики лишь измеряли повреждение и отмечали часы, в которых предчувствие больше не защищало переписчика. Нира называла это ремонтом, чтобы клиенты не боялись садиться в её кресло.

Я взглянула на внутреннюю сторону запястья. Под кожей мерцала тонкая дуга из двадцати четырёх делений. Три были тёмными. Три часа моей будущей жизни существовали без обычного ощущения опасности — без холода в затылке перед падающим камнем, без горечи во рту перед дурной встречей, без внутренней остановки, которая десятки раз заставляла меня сделать шаг в сторону.

Я не знала, когда наступят эти часы. В этом и состояла цена.

— Запиши добровольное продолжение, — сказала я. — Одна ступень точности. Свидетель — Эмма Лор.

— Записываю.

Я назвала час удара.

Перо прилипло к меди. Чтобы сдвинуть его, пришлось надавить. Синяя линия налилась цветом, и комната исчезла.

Море поднялось передо мной стеной. На её гребне горел белый свет, хотя шторм должен был войти в бухту вечером. На западном молу люди тянули внутреннюю цепь. Один замок не закрывался. Я увидела руку в красной перчатке, услышала крик, но слова унесло ветром.

Пятый колокол и тридцать одна минута.

Семь локтей и одна ладонь.

Удар в западный мол, затем отвод к пустым соляным складам.

Я записала всё.

Когда комната вернулась, песок в часах уже кончился. Эмма держала меня за плечо — значит, я наклонилась слишком близко к листу. На языке чувствовалась медь.

Одно деление на запястье потемнело.

Четвёртое.

— Уверенность? — спросила Эмма тихо.

— Девять долей.

Она выдохнула и побежала к сигнальной трубе. Через минуту над мастерской подняли три синих флага. Порт ответил колоколами. На улицах люди сперва остановились, потом пришли в движение: торговцы сворачивали навесы, грузчики катили бочки вверх по склону, матросы тянули суда за внутреннюю цепь.

Я осталась у стола, пока дрожь в пальцах не утихла.

Под основной записью проступила новая строка.

Это случалось иногда. Медь сохраняла служебную отметку: расход чернил, номер чаши, имя переписчицы. Я наклонила лист к лампе, ожидая увидеть своё имя.

Вместо него проявилось другое.

«Рассвет, переданный в счёт точности: один час. Донор — Лейна Сайр».

Я прочла дважды.

Штормовые записи не требовали доноров. Цена списывалась с переписчицы и не становилась рассветом. По крайней мере, так нас учили.

— Эмма.

Ученица вернулась от трубы.

— Что случилось?

Я указала на строку. Она потянулась к листу, но остановила руку над краем.

— Это служебная метка колб, — сказала она. — Я видела такие в нижнем цехе.

— Почему она на моём прогнозе?

Эмма побледнела.

— Не знаю.

За стеной задвигались подъёмники. Мастерская проснулась полностью: в верхние залы несли пустые колбы, покупатели рассветов ждали у приёмной, зрители закрывали ставни перед бурей. Обычный рабочий день, построенный вокруг точности моих линий.

Я накрыла медный лист промасленной тканью.

— Позови мастера Севера.

— Сейчас?

— До того, как он увидит строку сам.

Эмма не успела дойти до двери.

Она распахнулась, и в комнату вошёл мужчина в сером аудиторском плаще. На груди у него висели часы без стрелок — знак того, что во время проверки он не имеет права принимать или отдавать личное время.

Он был мокрым, хотя дождь ещё не начался.

— Никому не касаться стола, — сказал он.

— Вы вошли в действующую штормовую запись без разрешения.

— Запись окончена.

Он посмотрел на четыре тёмных деления у меня на запястье, затем на ткань поверх меди. Его лицо оставалось спокойным, но спокойствие было слишком точным — как линия, которую провели с усилием.

— Назовите себя, — потребовала я.

— Аудитор времени Рем Сайр.

Фамилия легла рядом со скрытой строкой прежде, чем я успела отогнать мысль.

— Кто такая Лейна Сайр?

Он не спросил, откуда мне известно имя.

— Моя мать.

За окном над чистым морем блеснула первая молния.

— Тогда вам следует увидеть запись, — сказала я.

— Я пришёл именно за ней. Сегодня утром Мастерская продала рассвет моей матери.

Он вынул из внутреннего кармана свидетельство смерти и положил поверх ткани.

Дата стояла шестью годами раньше.

Глава 2. Аудитор с остановленными часами

Свидетельство смерти лежало на моём столе рядом с будущим штормом, и из двух документов поддельным казался не тот, который должен был.

Я знала медь, на которой писала. Знала, как она ведёт себя после сильного видения: долго держит холод, отзывается на голос и не принимает чужое имя без источника. Если под линиями бури проступила Лейна Сайр, значит, где-то в Мастерской существовала колба, счёт или согласие, связанное с этим именем.

Но бумага передо мной тоже выглядела настоящей. Печать городского архива была вдавлена в волокна, а не нарисована сверху. Чернильный след успел вывести до бурого. В графе причины смерти значилось: «лихорадка после зимнего разлива». Шесть лет назад.

— Эмма, позови старшего смотрителя, — сказала я. — И никого больше.

— Никого не звать, — одновременно произнёс Рем Сайр.

Ученица замерла между нами.

— В моей комнате распоряжаюсь я, — сказала я.

— Уже нет.

Он снял с пояса плоский футляр. Внутри лежали четыре свинцовые полосы с гербом Счётной палаты. Рем коснулся одной большим пальцем, и на тусклом металле загорелись цифры: номер проверки, час открытия, его имя.

— На основании экстренного предписания я опечатаваю стол, чашу временных чернил, текущий реестр и все пути передачи записи в нижние цеха.

— Через пять часов тридцать одну минуту шторм ударит в западный мол.

— Ваш прогноз уже передан порту.

— Прогноз меняется вместе с решениями людей. Я должна наблюдать линии до первого удара.

— Тогда будете наблюдать, не касаясь вещественного доказательства.

Он говорил без повышения голоса. Не как человек, который ворвался в чужую комнату, а как дверь, внезапно обнаружившая, что умеет отвечать.

Я потянула ткань на себя. Рем прижал другой её край ладонью.

— Уберите руку, господин аудитор.

— После того как вы отойдёте от стола.

Между нашими пальцами под тканью лежала строка с именем его матери. Я могла бы дёрнуть сильнее. Могла потребовать стражу Мастерской. Но свинцовые полосы были настоящими, а экстренное предписание позволяло аудитору остановить любую операцию, если обнаружено списание времени с умершего.

И всё же оно не позволяло ему присваивать мои записи.

— Эмма, — сказала я, не отводя взгляда от Рема, — открой журнал свидетелей. Последняя страница.

Она послушалась. Переплёт стукнул о высокий пюпитр.

— Запиши: аудитор времени Рем Сайр предъявил экстренное предписание, не показав его границы автору действующей штормовой записи. Попытался изъять лист до завершения наблюдения.

— Я ничего не изымаю, — сказал он.

— Тогда отнимите ладонь.

Он посмотрел на меня внимательнее. Серые глаза у него были не холодными, как мне показалось сначала, а усталыми. Под правым глазом темнел след от бессонной ночи. Вода с волос уже не капала, но ворот плаща всё ещё блестел, будто Рем прошёл под дождём, который существовал только для него.

Он разжал пальцы.

Я тоже отпустила ткань.

— Покажите предписание, — сказала я.

Рем развернул узкий лист. Я прочла каждую строку, включая мелкую приписку у печати. Проверке подлежала продажа рассвета по счёту Лейны Сайр, связанная с чашей временных чернил номер семьдесят четыре. Номер моей чаши.

— Когда открыли дело?

— Сегодня, за двадцать минут до третьего колокола.

— До того, как я начала запись.

— Да.

— Значит, вы пришли не по следу на меди.

— Я пришёл за чашей. След подтвердил связь.

— Кто сообщил о продаже?

— Покупатель.

— Имя?

— Защищено до установления законности сделки.

— Удобно.

— Обязательно.

Рем достал из футляра первую полосу и положил поперёк носика стеклянной чаши. Свинец обмяк, словно нагретый, обхватил край и застыл. На его поверхности повторился номер дела.

В тот же миг синяя линия на медном листе дрогнула.

Я увидела западный мол: люди тянули цепь, ветер рвал флаги, красная перчатка скользила по мокрому замку. Образ исчез, оставив горечь во рту.

— Чаша участвует в наблюдении, — сказала я. — Если вы перекроете связь, точность начнёт падать.

— Вы утверждали, что запись окончена.

— Я сказала, что прогноз передан. Это не одно и то же.

Эмма быстро кивнула, подтверждая.

Рем задержал руку над второй полосой.

— Насколько упадёт точность?

— Не знаю. Такого ещё не делали.

— Что требуется, чтобы сохранить наблюдение и не дать заменить содержимое чаши?

Я ожидала нового приказа и потому не сразу поняла, что он задал настоящий вопрос.

— Прозрачный колпак, — ответила Эмма раньше меня. — Из комнаты мер. Он закрывается аудиторской нитью, но не гасит поле.

Рем повернулся к ней.

— Вы ученица?

— Эмма Лор. Второй год.

— Принесите колпак. Одна. По дороге никому не рассказывайте, какое имя увидели.

Она взглянула на меня. Я кивнула.

Когда дверь закрылась, тишина стала неудобной. За окном порт продолжал готовиться к буре. По мостовой грохотали телеги с мешками. На башне подняли четвёртый синий флаг: внутреннюю цепь начали запирать.

— Вы могли показать предписание сразу, — сказала я.

— А вы могли не тянуть доказательство к себе.

— Это моя работа.

— Возможно, в этом и проблема.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость — чистая, полезная, возвращающая силу ногам.

— Вы пришли в комнату переписчицы за несколько часов до шторма, увидели четыре потемневших деления на её шкале и решили, что лучше неё понимаете проблему?

— Я увидел имя женщины, которая не могла дать согласие. Остальное пока не решил.

Он говорил о матери так, будто имя принадлежало делу. Но большой палец его правой руки всё время тёр пустое место на ладони. Там должен был оставаться след от цепочки карманных часов. Вместо них на груди висел аудиторский знак — круглый корпус без стрелок.

— Почему часы остановлены? — спросила я.

Рем опустил взгляд.

— Они не остановлены. В них нет хода.

— Это я вижу.

— Пока я веду проверку, мне запрещено пользоваться личным временем: продавать, принимать, одалживать или измерять собственный остаток. Иначе любое решение можно объяснить выгодой.

— Очень благородно.

— Очень неудобно.

Почти улыбка мелькнула у него и исчезла. Я не успела решить, понравилась ли она мне.

— А рассвет вашей матери вы искали как аудитор или как сын?

— Как сын я нашёл бы того, кто его купил. Как аудитор я пришёл сюда.

Ответ был слишком ровным. Наверное, он повторял его себе всю дорогу.

Я подняла свидетельство смерти за края и поднесла к лампе.

— Могу проверить печать?

— Уже проверена архивом и двумя независимыми писцами.

— Я спрашиваю не их.

Он помедлил, затем кивнул.

Я провела ногтем над гербом, не касаясь воска. Обычные печати пахли пылью и маслом. Временная подделка пахла озоном, потому что крала у бумаги возраст. Здесь была только старая пыль.

— Настоящая, — сказала я.

— Рад, что моя мать умерла достаточно убедительно.

— Я не это имела в виду.

— Знаю.

Слова ударили точнее упрёка.

Я положила документ обратно.

— Как можно продать рассвет умершего?

— Нельзя. Для законной передачи донор приходит в нижний цех до восхода, называет срок и цену, кладёт ладонь на часовую пластину. Смотритель сверяет пульс времени. После смерти пульса нет.

— Но имя могло остаться на старом согласии.

— Согласие действительно на одну передачу в течение тридцати дней.

— Может, кто-то не закрыл счёт.

— Счёт закрыли шесть лет назад. Я проверял.

— Почему?

Вопрос сорвался прежде, чем я успела смягчить его.

Рем посмотрел на медный лист.

— Потому что после её смерти нам вернули личные часы. Они шли ещё три дня.

Мне захотелось спросить, что именно они показывали. Остаток жизни? Чужое время? Ошибку механизма? Но это уже не относилось к праву на проверку. Иногда граница между

любопытством и вторжением была тоньше волоса, и профессиональная привычка не оправдала шага через неё.

— Мне жаль, — сказала я.

— Оставьте жалость за пределами протокола.

— Согласна. Тогда впишите меня в протокол.

Он поднял глаза.

— Нет.

— Формула на листе моя. Чаша закреплена за моим столом. Без меня вы не отличите след прогноза от следа передачи.

— Именно поэтому вы можете быть связаны с нарушением.

— Как свидетель или как обвиняемая?

— Пока как хранитель объекта.

— Такого положения нет в уставе.

— Есть лицо, чьи действия подлежат проверке.

— Тогда назовите это вслух и разъясните мои права.

Он молчал.

Я подошла к стенному шкафу, медленно, чтобы он не принял движение за попытку открыть обходной канал. На второй полке лежал устав Мастерской — тяжёлый том, который смотрители любили цитировать и редко читали. Я раскрыла раздел о совместных проверках.

— Статья сорок третья. Если временная формула создана специалистом, который не имеет доступа к учёту конечной операции, специалист участвует в расшифровке под наблюдением аудитора. Отстранить его можно только после предъявления признаков умысла.

— У вас хорошая память.

— Плохие начальники.

На этот раз он всё-таки улыбнулся — одним уголком рта. Потом взял устав и прочёл статью сам.

— Вы не имеете доступа к учёту нижнего цеха?

— Нет. Переписчицы передают точность по медному каналу. Куда она уходит после центрального распределителя, нам не показывают.

— Кто обслуживает канал?

— Техники мастера Севера.

— Кто утверждает состав чернил?

— Я рассчитываю пропорции соли, меди и грозовой воды для каждого прогноза. Основа приходит запечатанной со склада.

— Чаша семьдесят четыре всегда была у вас?

— Три года.

— Ключ от шкафа?

— У меня и у старшего смотрителя.

— Имя.

— Варен Дол.

Рем вынул маленькую записную книжку. В отличие от безукоризненного плаща и ровного голоса, почерк у него был быстрым и колючим. Он записал имя, номер чаши и статью устава.

— До завершения первичного осмотра вы будете присутствовать, — сказал он. — Не как сторона проверки. Как специалист по формуле.

— С правом копировать протокол.

— После снятия защищённых имён.

— С правом отмечать возражения.

— Если они относятся к формуле.

— С правом прекратить действие, которое исказит прогноз.

— С правом потребовать обоснование такого действия. Прекращаю его я.
Я протянула руку.

— Договорились.

Он посмотрел на мою ладонь так, будто это тоже могло оказаться ловушкой, затем пожал её. Его пальцы были холодными. Мои после записи дрожали, и я разозлилась на себя за то, что заметила и то и другое.

— Эмма Лор внесёт условия в журнал свидетелей, — добавила я.

— Разумеется.

Дверь открылась. Эмма внесла высокий стеклянный колпак, обвязанный серебряной нитью. За ней пытался пройти старший смотритель Варен, но девушка выставила локоть и удерживала дверь с неожиданным упрямством.

— Госпожа Рен велела никого больше, — сказала она.

— Я старший смотритель этой смены!

— Именно поэтому вы «кто-то ещё».

Я бы похвалила её, если бы Варен не смотрел так, словно уже выбирал для ученицы самое холодное место в архиве.

— Впустите его, — сказал Рем. — И закройте дверь.

Варен вошёл, расправляя зелёный форменный жилет.

— Господин Сайр, произошла ошибка. Мастер Север готов принять вас в синей гостиной и предоставить выписки по любому счёту.

— Мне нужна не гостиная.

— Здесь ведётся штормовая работа государственной важности.

— Тем более странно, что к ней привязана незаконная продажа.

Варен посмотрел на меня. Не на аудитора — на меня.

— Что вы записали?

— Шторм, — ответила я. — Как обычно.

— Покажите лист.

Рем встал между ним и столом.

— С этого момента доступ только по моему разрешению.

— У вас нет полномочий останавливать работу Мастерской перед бурей.

— Я её не останавливаю. Переписчица остаётся при наблюдении.

Лицо Варена едва заметно изменилось. Он рассчитывал, что меня выведут первой.

Я запомнила это.

Эмма поставила колпак над чашей. Рем закрепил серебряную нить второй свинцовой полосой и попросил нас троих приложить пальцы к её краю. Металл принял отпечатки. Теперь открыть чашу незаметно не смог бы никто из присутствующих.

Третья полоса легла на люк медного канала под столом. Четвёртую Рем оставил в футляре.

— Почему не опечатали сам лист? — спросил Варен.

— Потому что через пять часов на город обрушится шторм, — ответил Рем. — И потому что специалист объяснила разницу между записью и наблюдением.

Варен снова взглянул на меня. На этот раз в его глазах было не раздражение, а предупреждение.

— Мастер Север узнает, что вы препятствуете внутренней проверке, Адель.

— Внутренней проверки ещё не было. Было предложение спрятать аудитора в синей гостиной.

— Вы не понимаете последствий.

— Тогда объясните их при свидетелях.

Он сжал губы.

Синяя линия на листе дрогнула вторично. Все замолчали. Я откинула ткань ровно настолько, чтобы видеть западную часть карты, не открывая служебную строку.

Мол снова возник передо мной. Цепь была натянута, но третий замок оставался открыт. Рука в красной перчатке теперь принадлежала женщине-сигнальщице. Она кричала одно и то же слово.

«Штифт».

Я вернулась в комнату, хватая воздух.

— На третьей башне не входит штифт западного замка. Передайте порту: снять нагрузку с левой ветви, очистить паз и записать повторно только по красному сигналу.

Эмма бросилась к трубе.

Варен побледнел.

— Вы продолжили видение при постороннем.

— Я сохранила мол.

Рем не смотрел на него. Его внимание было приковано к открывшемуся краю меди.

Рядом с именем Лейны Сайр проступали новые знаки.

Сначала номер чаши. Затем номер штормовой записи. Между ними появилась тонкая стрелка, направленная не от чаши к рассвету, как я ожидала, а обратно — от рассвета к моей формуле.

Под стрелкой медленно наливалась цветом ещё одна строка:

«Компенсация точности принята».

— Я не принимала чужого времени, — сказала я.

Варен шагнул к столу.

Рем остановил его одной рукой.

— Эмма Лор, — произнёс он, не отрывая глаз от меди, — внесите в журнал: в присутствии четырёх свидетелей обнаружена обратная передача одного рассветного часа в штормовую формулу.

— Это техническая помета, — быстро сказал Варен. — Она ничего не доказывает.

— Поэтому мы её проверим.

— В нижнем цехе сейчас покупатели. Обыск вызовет панику.

— Я не объявлял обыск.

— Но вы намерены туда спуститься.

Рем впервые посмотрел на него с настоящим интересом.

— Теперь намерен.

Варен понял свою ошибку. Слишком поздно.

За окном загудел красный сигнал. Через несколько ударов сердца башня ответила зелёным: штифт вошёл, цепь закрылась.

Мой прогноз сохранил девять долей точности.

И всё же я уже не могла считать его своим.

На меди было записано, что кто-то оплатил часть моей уверенности часом мёртвой женщины.

Рем накрыл лист тканью и закрепил свободный край последней печатью, оставив мне узкое окно для наблюдения линий.

— До первого удара вы остаётесь здесь, — сказал он. — После него мы идём в нижний цех.

— Вместе.

— В рамках статьи сорок третьей.

— И с копией протокола.

— Вы всегда торгуетесь в момент, когда вам предъявляют доказательство возможного преступления?

— Только когда доказательство написано моим почерком.

Он задержал на мне взгляд, потом кивнул.

Часы без стрелок на его груди отражали синее сияние будущего шторма. В пустом стекле не было ни минуты, которой можно было бы доверять.

Но впервые с появления чужого имени на листе у меня появился человек, обязанный искать ответ даже тогда, когда Мастерская захочет закрыть дверь.

Оставалось понять, сколько времени пройдёт, прежде чем он начнёт искать вину во мне.

Глава 3. Колба первого света

Первый удар шторма пришёлся в окна так, будто море потребовало открыть ему дверь.

Стеклянный колпак над чашей задрожал. Серебряная нить натянулась, свинцовые печати удержались. Я смотрела не на них, а на узкое окно в ткани, оставленное Ремом над западным краем медного листа. Синяя линия легла точно вдоль волнолома. За ней вспыхнули три белые точки — сигнальные башни подтвердили закрытие цепи.

Девять долей.

Запись сделала всё, что я от неё требовала. Корабли стояли во внутренней гавани, разгрузочные мосты были подняты, люди ушли с внешнего мола. Я должна была почувствовать привычное облегчение. Вместо него под линией прилива мерцали слова: «Компенсация точности принята».

— Наблюдение можно передать дежурной переписчице? — спросил Рем.

— После первого удара — можно. Но чашу нельзя трогать до отбоя.

— Она останется опечатанной.

Эмма уже стояла у журнала, прижав перо к бумаге. Я продиктовала время удара, подтверждение башен и предел точности. Потом сняла рабочий фартук. Ткань прилипла к ладоням: во время видения я так сильно сжимала край стола, что ногти оставили в коже полумесяцы.

Варен Дол ждал у двери.

— Я обязан уведомить мастера Севера, — сказал он.

— Уведомите, — ответил Рем. — После того как проводите нас в нижний цех.

— Во время шторма туда не допускают посторонних.

— Аудитор при исполнении не посторонний.

— А переписчица?

— Специалист по статье сорок третьей, — сказала я. — Вы ведь слышали.

Варен посмотрел на Эмму, словно надеялся найти в ней более податливого свидетеля. Девушка аккуратно посыпала последнюю строку песком и захлопнула журнал.

— Я останусь у стола, — объявила она. — Если печать дрогнет, подниму тревогу.

Я кивнула. Оставлять её одну рядом с уликой мне не нравилось, но брать ученицу в цех, о котором старший смотритель боялся даже проговориться, нравилось меньше.

— Никого не впускай без записи имени и времени. Даже мастера Севера.

— Особенно мастера Севера, — сказала Эмма.

Варен шумно втянул воздух.

Рем открыл дверь и жестом предложил старшему смотрителю идти первым.

Лестница в нижние этажи начиналась за залом распределителей. Я проходила мимо неё сотни раз и всегда видела на медной решётке одну и ту же табличку: «Только для приёмщиков рассвета». Переписчицы работали наверху, где можно было наблюдать море. Приёмщики — внизу, где не было окон и чужих вопросов.

Сегодня решётка оказалась заперта двумя замками. Варен открыл верхний длинным ключом. Перед нижним замешкался.

— Второй ключ у дежурного приёмщика.

Рем показал свинцовую полосу.

— Или я опечатаю решётку и внесу в протокол отказ предоставить доступ к чаше семьдесят четыре.

— Чаша наверху.

— Её канал уходит вниз.

Варен постучал условным ритмом. С той стороны ответили не сразу. Пока мы ждали, гром прокатился над крышей, и стены Мастерской тихо загудели. Я положила ладонь на

перила. В металле чувствовалась дрожь десятков действующих прогнозов. Медные жилы уходили под нами в темноту, как корни дерева.

Раньше я считала, что они несут только точность.

Замок щёлкнул. Решётку приоткрыл молодой приёмщик в белых перчатках.

— Господин Дол, у нас передача.

— Задержите её.

— Покупатель уже в кресле.

— Тогда не задерживайте, — вмешался Рем. — Мы присутствуем.

Приёмщик посмотрел на его знак, затем на меня.

— Переписчицам нельзя.

— Сегодня многим придётся пережить нарушение привычек, — сказал Рем.

За решёткой пахло воском, тёплым стеклом и чем-то сладким, как яблочная кожура у печи. Узкая лестница спускалась вокруг толстого медного канала. На каждом пролёте от него отходили трубки с номерами чаш. Семьдесят четыре я нашла между шестьдесят девятой и восемьдесят первой: нумерация подчинялась не порядку, а какому-то внутреннему маршруту.

Я коснулась трубки тыльной стороной пальцев. Она была тёплой.

— Не трогайте, — сказал Варен.

— Моя формула всё ещё идёт по ней.

— Тем более.

Я отняла руку. На коже осталось слабое золотистое свечение, которое погасло через несколько вдохов.

Рем это заметил.

— Обычная реакция?

— Нет. Штормовой след должен быть синим.

Он достал книжку, но не записал. Сначала попросил меня повторить. Только убедившись, что я не отступаю от слов, вывел строчку своим колючим почерком.

Внизу лестница раздваивалась. Слева висела вывеска «Добровольные передачи», справа — «Склад первого света». Правая дверь была без ручки, только с круглым углублением для часовой пластины. Варен повёл нас налево.

— Канал семьдесят четыре куда? — спросила я.

— В центральный распределитель.

— Он за правой дверью?

— Все каналы проходят через распределитель.

— Это не ответ.

— Для специалиста по формуле — достаточный.

Рем не стал спорить. Он провёл пальцем вдоль стены, где под штукатуркой проступала тонкая медная полоса. Та уходила налево, в зал добровольных передач. Варен заметил движение и ускорил шаг.

Зал оказался светлее верхних комнат. Под потолком висели стеклянные шары, наполненные искусственным утром. Их свет не отбрасывал резких теней и делал лица спокойнее, чем они были. У дальней стены стояли три кресла. Два пустовали. В третьем сидел грузный мужчина лет пятидесяти в дорогом тёмном пальто. Рядом с ним женщина-приёмщица затягивала ремешок часовой пластины на запястье худенькой девушки.

Девушка была донором. Мужчина — покупателем. Это выдавали не одежда и не кресла, а то, как каждый смотрел на восходную колбу между ними. Он — с голодным ожиданием. Она — стараясь не смотреть.

— Прекратите операцию, — сказал Варен.

— Не прекращайте, — одновременно произнёс Рем.

Приёмщица застыла с застёжкой в пальцах.

— Имя и должность, — потребовал Рем.

— Талия Мор, старшая приёмщица.

— Передача добровольная?

— Все передачи в этом зале добровольные.

— Я спросил о конкретной.

Талия взглянула на девушку.

— Лисса, вы подтверждаете согласие продать один рассветный час господину Крою за восемь серебряных?

— Подтверждаю, — тихо сказала та.

— Вас принуждали, вводили в заблуждение относительно последствий, обещали выгоду вне договора?

— Нет.

— Вы понимаете, что завтра проснётесь на час позже и не сможете вернуть эту передачу иначе чем через процедуру отзыва?

— Да.

Рем подошёл ближе, но остановился за чертой, нарисованной на полу.

— Когда вы в последний раз продавали рассвет?

Лисса подняла глаза.

— Никогда.

Талия нахмурилась.

— Этот вопрос есть в анкете. Ответ отмечен.

— Хочу услышать его до передачи.

— Никогда, — повторила Лисса. — Я швея. После пожара мастерская закрылась на две недели. Мне нужно заплатить за комнату.

Покупатель пошевелился в кресле.

— Я всё оплатил законно. Почему меня допрашивают?

— Вас не допрашивают, господин Крой, — ответил Рем. — Проверяется оборудование.

— Мне обещали первый свет без сновидений. Утром я должен войти в судебный зал.

Его руки лежали на подлокотниках слишком неподвижно. Под большим пальцем белела полоска кожи от снятого кольца. Я не знала, какой страх заставил его купить чужое пробуждение, но страх был настоящим.

И Лиссина нужда тоже.

Здесь не было злодея, который держал жертву за горло. Были договор, восемь серебряных и машина, умевшая сделать неравенство похожим на свободный выбор.

— Проведите проверку пульса, — сказал Рем.

Талия приложила к пластине два пальца. По медному ободу пробежала зелёная искра.

— Живой, устойчивый. Остаток выше нижней границы. Повторных передач нет.

— Покажите шкалу повторов.

Она повернула пластину. В боковом окошке стоял ноль.

— Условия соблюдены, — сказал Рем. — Операцию можно продолжить. Я наблюдаю без вмешательства.

Варен подался к нему.

— Вы не имеете права раскрывать защищённые данные перед переписчицей.

— Я вижу только то, что видит любой специалист у черты.

— Она не специалист по передаче.

— Зато специалист по составу, который обнаружен в канале.

Талия попросила Лиссу положить ладонь на пластину, а господина Кроя — назвать приобретаемый час.

— Первый после восхода, — произнёс он. — Без чужих сновидений и памяти. Только способность проснуться.

— Цена — восемь серебряных, из них один остаётся Мастерской. Отзыв возможен в течение тридцати дней при согласии принимающей стороны либо по решению Счётной палаты. Подтверждаете?

Оба подтвердили.

Талия сняла с полки пустую колбу. Она была не больше ладони, с узким горлышком и медной нитью внутри. На дне лежала капля бесцветного масла. Приёмщица вставила колбу в гнездо между креслами и опустила рычаг.

Лисса вздрогнула.

Сначала ничего не произошло. Потом под её ладонью загорелась тонкая полоса. Свет поднялся по нити в колбу — бледный, прохладный, похожий на самое раннее небо над Тёмным морем. Вместе с ним по залу разлился запах мокрого камня.

Господин Крой закрыл глаза.

Я смотрела на шкалу повторов. Ноль не менялся.

Затем по стене прошёл толчок грома. Медная полоса под штукатуркой вспыхнула золотом. Колба ответила на неё, и внутри первого света возникла синяя жилка.

Мой цвет.

— Остановите рычаг, — сказала я.

— Передачу нельзя обрывать посередине, — отрезала Талия.

— Тогда изолируйте канал семьдесят четыре.

— Здесь нет такого канала.

Я пересекла черту.

Рем перехватил меня за предплечье — не резко, но достаточно, чтобы остановить.

— Что вы увидели?

— Синий след в колбе. Он появился после импульса по стене.

Он сразу отпустил руку.

— Талия Мор, можете завершить передачу, не открывая колбу и не присоединяя её к покупателю?

— Могу удержать в гнезде семь минут. Потом свет начнёт возвращаться донору.

— Завершайте в гнездо.

Варен шагнул к рычагу.

— Это штатное окрашивание во время грозы.

— Не трогайте устройство, — сказал Рем.

В его голосе по-прежнему не было громкости. Но Варен остановился.

Свет отделился от ладони Лиссы и целиком вошёл в колбу. Девушка судорожно вдохнула, будто вынырнула из холодной воды. Талия подняла рычаг. На горлышке сама собой сомкнулась медная нить, оставив маленький узел согласия.

Внутри колбы сиял один законно проданный рассвет.

И тонкая синяя жилка, которой там не полагалось быть.

— Мне нужен мой час, — сказал господин Крой.

— Вы его получите после проверки целостности, — ответил Рем.

— Суд утром.

— Именно поэтому я не позволю передать вам час с неизвестной примесью.

Он вынул последнюю свинцовую полосу. Ту, которую не использовал наверху. Полоса легла на горлышко колбы поверх медного узла.

— Возражаете против временного удержания вещественного доказательства? — спросил Рем у Лиссы.

Она посмотрела на восемь серебряных, лежавших в чашке у кресла.

— Мне заплатят?

— Передача состоялась. Оплата ваша независимо от результата проверки.

Талия подтвердила кивком.

— Тогда не возражаю.

— Господин Крой?

— Возражаю.

— Возражение внесём в протокол. До установления безопасности вы вправе получить другую проверенную колбу за ту же цену или расторгнуть покупку.

— Другую, — сказал он после короткой паузы. — Но без памяти.

— Это и предусмотрено договором, — сказала Талия.

Пока она звала второго приёмщика, Рем попросил меня описать синюю жилку. Я наклонилась к стеклу, не касаясь печати. След внутри колбы не лежал неподвижно. Он медленно обвивал свет Лиссы, как чернила обвивают соль перед записью шторма.

— Это не примесь, — сказала я. — Это подпись направления.

— Куда направлена?

— Пока не знаю. Нужно увидеть метку на дне.

Талия поставила колбу на чёрную подставку. Свет стал прозрачнее. Под масляной каплей проявился крошечный знак: открытая ладонь, над ней одна черта.

— Метка добровольного донора, — сказала она.

— Лиссы? — спросил Рем.

— Должна быть её.

— Сверьте.

Приёмщица поднесла часовую пластину к подставке. На ней загорелась другая метка: напёрсток и три точки.

Лисса посмотрела на собственную ладонь, будто ожидала увидеть там чужой знак.

— У меня всегда был напёрсток. Его выбрали при регистрации в цеховой кассе.

— Тогда чья открытая ладонь? — спросила я.

Никто не ответил.

Рем положил рядом свидетельство Лейны Сайр. В нижнем углу документа стояла её личная временная метка: ветка рябины.

Не ладонь.

— Это не моя мать, — сказал он.

В словах прозвучало облегчение, и он тут же словно наказал себя за него, выпрямившись ещё сильнее.

— Но это и не заявленный донор, — добавил он.

Я проследила взглядом синюю жилку. Она касалась знака открытой ладони, затем уходила к медному узлу у горлышка. Так формула помечала скрытый источник: не именем, а пустым местом, оставленным вместо него.

— Метку наложили до Лиссиной передачи, — сказала я. — Колба не была пустой.

Талия резко возразила:

— Я сняла её с полки пустых. Проверила масло. Шкала была чистой.

— Для вас — да. Штормовая формула сделала старый след видимым, когда канал дал импульс.

— Зачем прятать старого донора в пустой колбе? — спросил Рем.

Я вспомнила обратную стрелку на своём листе.

— Чтобы провести его час через законную сделку. Лисса дала согласие, покупатель заплатил, шкала показала ноль. Всё выглядит правильно. Но вместе с её рассветом в учёт вошёл ещё один источник, которого никто не назвал.

Лисса побледнела.

— У меня забрали два часа?

— Нет, — быстро сказала я. — Второй след был в колбе до вас. По крайней мере, сейчас я вижу именно это.

— «По крайней мере»?

Я заставила себя не смягчать правду ложной уверенностью.

— Вашу шкалу нужно проверить независимо. Я не умею измерять остаток жизни.

— Я умею, — сказал Рем. — И сделаю это при свидетелях.

Он попросил Талию принести чистую контрольную пластину. Варен встал между ней и шкафом.

— Проверка одной колбы закончена. Остальное требует распоряжения мастера Севера.

— У меня есть предписание Счётной палаты.

— По счёту Лейны Сайр. Её метки здесь нет.

— Зато есть штормовой след чаши семьдесят четыре и неназванный донор.

— Ваши полномочия не безграничны.

— Поэтому каждое действие я записываю.

Варен повернулся ко мне.

— Адель, вы понимаете, что делаете? Если вы объявите каждое окрашивание колбы кражей, передачи остановятся. Люди останутся без денег и без помощи. Порт — без точных прогнозов.

За стеной снова ударил гром. Золотая полоса под штукатуркой вспыхнула, и синяя жилка внутри колбы затянула узел ещё туже.

— Я пока ничего не объявляла, — сказала я. — Я увидела метку, которой здесь быть не должно. Если Мастерская уверена в своей работе, ей нечего бояться контрольной пластины.

Варен смотрел на меня долго. Потом отступил.

Талия достала пластину из запечатанного ящика и дала Лиссе приложить ладонь. Зелёный свет пробежал по ободу, но вместо ровного круга остановился у нижней риски и мигнул дважды.

— Что это значит? — спросила Лисса.

Талия молчала.

Рем присел рядом с креслом, сохранив расстояние.

— На вашей шкале есть недавний отзыв времени, — сказал он. — Не сегодняшний. Примерно три месяца назад.

— Я ничего не продавала.

— Возможно, вы и не продавали.

— Сколько?

Он посмотрел на пластину.

— Сейчас нельзя установить. Для этого нужен полный счёт.

— Я хочу его увидеть.

— Это ваше право.

— Сегодня.

— Сегодня, — подтвердил Рем.

Лисса сжала пальцы в кулак. Испуганная девушка исчезла; на её месте сидела взрослая женщина, которой наконец называли точку приложения гнева.

— И моё имя будет в протоколе. Не «защищённый донор». Лисса Вей.

— Только если вы письменно разрешите раскрытие.

— Разрешу.

Я посмотрела на Варена. Он отвёл глаза первым.

— Колбу переносим в изолятор, — сказал Рем. — Присутствующие ставят метки на футляре. До сверки полного счёта не вскрывать.

— Семь минут истекают, — напомнила Талия. — Свет начнёт возвращаться Лиссе.

— Он не может вернуться, пока колба опечатана аудиторским свинцом, — сказал Варен. Слишком быстро.

Рем поднял голову.

— Откуда вы знаете?

Варен замер.

— Это основа работы с уликами.

— Нет. Обычная печать фиксирует горлышко, но не останавливает возврат. Для удержания нужен внутренний якорь. Эта колба уже заякорена.

Он протянул руку к стеклу, не касаясь его.

Синяя жилка пульсировала в такт медному каналу.

Я поняла раньше, чем успела сформулировать.

— Якорь — моя формула.

Тишина между ударами шторма стала оглушительной.

Мои записи не просто получали чужой час в уплату за точность. Они удерживали украденный свет внутри системы, не позволяя ему вернуться донору.

Варен шагнул назад.

Рем закрыл колбу чёрным футляром, и её сияние исчезло. Потом повернул замок так, чтобы три свидетеля видели номер.

— Теперь, господин Дол, — сказал он, — вы покажете нам склад первого света.

Глава 4. Безопасный час

До склада первого света мы не дошли.

Варен приложил часовую пластину к круглому углублению правой двери. По меди пробежал красный ободок, и изнутри отозвался сухой щелчок — не замка, а отказа.

— Буревой режим, — сказал он. — Во время действующего прогноза склад отсекается от внешних каналов.

— Удобно, — заметил Рем.

— Безопасно. Если молния войдёт в распределитель, колбы не должны ответить все разом.

Я прислонила два пальца к двери. Медь была холодной, хотя канал чаши семьдесят четыре всё ещё отдавал в стену слабое тепло. Варен на этот раз не велел мне отойти. Он вообще старался не смотреть в мою сторону.

— Он не лжёт о затворе, — сказала я. — Буря держит контур закрытым. До отбоя дверь не откроется без разрушения печати.

— А разрушение печати? — спросил Рем.

— Может соединить склад со всеми действующими чашами.

За чёрными створками хранились десятки, возможно сотни чужих пробуждений. Я представила, как они одновременно хлынут по медным жилам к моему столу, и убрала руку.

— Не делайте этого.

Рем кивнул без спора. Он опечатал круглое углубление, дверные петли и нижний край створок, потом заставил Варена вслух пересчитать полосы свинца. Талия внесла числа в журнал. Лисса Вей сидела у стены с контрольной пластиной на коленях и не отрывала взгляда от её дважды мигнувшей нижней риски.

— Полный счёт хранится там? — спросила она.

— Личные счета — в верхнем архиве, — ответил Варен.

— Тогда идём в верхний архив.

— Во время шторма архив выдаёт сведения только служащим.

Лисса встала. Она была ниже Варена на голову, тонкая, с покрасневшим следом ремешка на запястье.

— Я пришла продать один свой час. Вы показали мне, что взяли другой без спроса. Я не уйду без счёта.

Варен открыл рот, но Рем уже вырвал из книжки лист.

— Требование владельца счёта и предписание аудитора. Двух оснований достаточно?

— Архивариус решит.

— Он решит при нас.

Талия вызвалась проводить Лиссу. Рем задержался, чтобы передать ей временную копию протокола и назначить свидетеля у изолятора. Я стояла у лестницы и прислушивалась к зданию. После каждого удара грома медные трубы отвечали приглушённым звоном. В этом звоне теперь слышалось не устройство Мастерской, а множество закрытых горлышек.

Варен приблизился ко мне.

— Адель, пока дверь закрыта, ещё можно выбрать слова.

— Для протокола?

— Для мастера Севера. Для Совета порта. Ты увидела сбой, происхождение которого не установлено. Именно так и скажи.

— Я увидела скрытого донора и мою формулу, удерживающую его час.

— Формулу, которая сегодня спасла внешний мол.

— Одно не отменяет другое.

— Для Совета отменит. Им нужен либо безупречный прогноз, либо виновная переписчица. Как думаешь, что они выберут?

Он говорил тихо и почти по-доброму. Это было хуже угрозы. Варен учил меня в первый год: как не позволять страху преждевременно закрыть линию, как отличать ошибку слуха от голоса будущей воды. Я знала привычку, с которой он прикусывал щёку перед трудным исправлением. Сейчас на правой стороне его лица появилась маленькая впадина.

— Вы знали про внутренний якорь, — сказала я.

— Я знал, что печать удерживает вещественное доказательство.

— Вы назвали действие моей формулы до того, как я его поняла.

Он отвёл взгляд к стене.

— Двадцать лет внутри Мастерской дают некоторую наблюдательность.

— Тогда наблюдайте дальше. Я не изменю показания.

На лестнице появился Рем.

— Господин Дол, архив ждёт вас. Архивариус утверждает, что только старший смотритель может снять служебный запрет со счёта Лиссы Вей.

Варен посмотрел на него с ненавистью человека, у которого отняли последнюю отсрочку.

— А она?

— Госпоже Рен требуется проверить состояние рабочего стола до смены дежурства. Затем она даст письменное заключение о составе якоря.

Это было правдой. И удобным способом развести нас с Вареном.

— Я умею ходить одна, — сказала я.

— Не сомневаюсь.

Рем дождался, пока старший смотритель поднимется на пролёт, и только потом добавил:

— Но лучше сегодня этого не доказывать.

— Потому что я свидетель?

— Потому что кто-то провёл чужой час через вашу чашу и теперь знает, что вы это обнаружили.

— Это не делает каждую лестницу покушением.

— Нет. Только добавляет лестницам значение.

Мне хотелось возразить, но у него снова получилось оставить выбор мне, одновременно сделав опасность видимой. Он не предложил запереть меня в кабинете и не приказал идти рядом. Просто стоял на полшага ниже, чтобы я могла отказаться.

— До верхнего зала, — согласилась я. — Потом вам нужно к Лиссе.

— До верхнего зала.

Мы пошли следом за Вареном. На площадке между этажами здание качнулось под ветром. Я машинально представила следующие несколько минут: ступень, которую лучше обойти справа; раскрытое окно над залом распределителей; каплю воска у двери, на которой могла поскользнуться Талия. Будущее раскладывалось короткими безопасными дорожками, привычно и скупно.

И вдруг оборвалось.

Не померкло, не спуталось — исчезло. Словно впереди меня стояла белая стена без единой тени.

Я остановилась.

Рем едва не коснулся моего плеча, но удержал руку.

— Что случилось?

Я посмотрела на часы над лестницей. Медная стрелка только что пересекла четвёртую отметку после полудня.

Четвёртый слепой час.

Я знала, что он придёт. Каждая запись высокой точности оставляла в будущем один промежуток, в котором мой дар не видел безопасной возможности. Иногда такой час выпадал во сне. Иногда — за закрытой дверью, когда я переписывала старые журналы. Я научилась узнавать его начало по внезапной тишине внутри головы и переживать, не придавая цене лишней важности.

Но прежде я никогда не входила в слепой час, когда кто-то мог желать мне молчания.

— Мой прогноз забрал этот промежуток, — сказала я. — До пятой отметки я не вижу, что безопасно.

Рем взглянул на часы, затем на площадку впереди.

— Что обычно делают переписчицы?

— Продолжают жить.

— Это правило или ваша гордость?

— У нас нет правила. Мастерская учитывает потерю как допустимую плату.

Я услышала собственные слова так, будто их произнесла Лисса. Допустимая плата. Остаток выше нижней границы. Чистая шкала.

Рем тоже услышал.

— Можем остановиться здесь, — сказал он.

Лестничная площадка была узкой, с высоким окном, которое дрожало под порывами. Варен уже скрылся наверху. За ним уходил доступ к архиву и единственный человек, который выдал знание о якоре.

— Нет. Эмма одна у чаши.

— Я позову служащего.

— Пока вы будете звать, я дойду.

— Это опять не правило.

— Нет. Решение.

Я взялась за перила и поднялась. Без внутренней карты обычная лестница стала чужой. Я не знала, выдержит ли следующая ступень, распахнётся ли окно, выскользнет ли из чьих-нибудь рук лампа. Мир не сделался опаснее — я просто перестала видеть, где он пощадит меня.

Рем пошёл рядом, не заслоняя путь.

— Если я скажу «стойте», — произнёс он, — это будет наблюдение, не приказ.

— А если я не остановлюсь?

— Тогда я назову причину громче.

Несмотря на холод в животе, я усмехнулась.

У верхней двери нас встретил порыв сырого воздуха. Кто-то оставил створку в коридор открытой. По плитам катились песчинки, бумажные обрывки и сорванная лента с дежурного журнала. Обычно я заранее замечала траекторию каждого лёгкого предмета. Теперь лента ударилась о сапог, и я вздрогнула.

Эмма выбежала из зала.

— Печати целы. Но западная рама течёт, и вода идёт к столу.

— Накрой дорожку сухим войлоком. Чашу не касайся.

Она уже повернулась выполнять, когда я увидела над ней движение.

Тяжёлая латунная вывеска «Зал штормовых записей» висела поперёк коридора на двух цепях. Левая цепь натянулась, правая болталась свободно. Из стены медленно выходил крепёжный крюк.

Я смотрела прямо на него и не понимала, куда упадёт вывеска.

Раньше ответ пришёл бы раньше вопроса: шаг назад, к стене; два шага вперёд; пригнуться. Сейчас передо мной не было ни одной безопасной линии.

— Эмма, стой, — сказала я.

Она замерла под латунной доской.

Крюк вышел ещё на палец.

Я могла оттащить её. Могла крикнуть, чтобы бежала. Любое движение казалось одинаково слепым.

— К стене справа! — крикнул Рем.

Эмма бросилась к стене. Я шагнула к ней — и в эту секунду крюк вырвало.

Вывеска качнулась не вниз, а вбок. Ветер ударил в открытую дверь, латунная доска описала широкую дугу и врезалась мне в плечо.

Пол исчез.

Я упала на край лестничной площадки. Ладонь скользнула по мокрому камню, пальцы нашли пустоту между прутьями перил. Вывеска рванула обратно, цепь обвилась вокруг моего рукава и потащила к пролёту.

Кто-то схватил меня за пояс. Ткань впиалась под рёбра. Я ударилась коленом о нижнюю перекладину и повисла, видя под собой три этажа лестницы.

— Не дёргайтесь, — сказал Рем совсем близко. — Цепь держит рукав.

— Я заметила.

Голос вышел чужим.

Он лежал на плитах, удерживая меня одной рукой за пояс, другой упираясь в косяк. Эмма прижалась к правой стене. В её руке блестел маленький нож для очинки перьев.

— Режь рукав, — велела я.

— Я могу задеть вас.

— Ниже локтя. Быстро.

Она подползла, просунула лезвие под натянутую ткань и разрежала шерсть. Цепь дёрнула освободившийся лоскут в пролёт. Рем оттащил меня от перил. Мы втроём остались на полу, пока вывеска билась о стену, звеня после каждого порыва.

У меня не получалось вдохнуть глубоко. В плече пульсировала боль, колено быстро наливалось жаром. Но пальцы двигались, и перед глазами не темнело.

— Эмма? — спросила я.

— Цела.

— Рем?

— Тоже.

Он сел, всё ещё придерживая меня за пояс, и сразу разжал пальцы.

— Можно осмотреть плечо?

— Можно.

Его ладонь легла поверх разорванного рукава, осторожно, без нажима. Я почувствовала тепло пальцев и собственную дрожь, которую до этого принимала за вибрацию пола.

— Похоже на сильный ушиб. Костью двигать можете?

Я подняла руку до половины и зашипела.

— Могу. Не хочу.

— Убедительный медицинский признак.

Эмма нервно рассмеялась и сразу закрыла рот ладонью.

— Смейся, — сказала я. — Если можешь, значит, дышишь.

Рем посмотрел на вырванный крюк. Вокруг отверстия штукатурка размокла и раскрылась. Металл был рыжим от старой коррозии.

— Это не похоже на умышленное повреждение, — сказал он.

— Значит, лестница всё-таки не была покушением.

— Я рад ошибке.

Я тоже должна была радоваться. Вместо этого смотрела на цепь, которая ещё минуту назад могла переломить мне шею, и чувствовала злость.

Не на бурю. Не на крюк. На спокойную строчку в правилах: один безопасный час за точность.

За этой строчкой не было лестничной пустоты, боли в плече и лица Эммы под падающей латуной. Мастерская брала у меня не час жизни — она забирала возможность различить выбор именно тогда, когда выбор становился нужен. И называла это платой, потому что не она висела над пролётом.

— Сколько таких часов вы уже отдали? — спросил Рем.

— Четыре неиспользованных. Этот — пятый из сегодняшней записи.

— Вы сказали в кабинете: четвёртый слепой час.

— Четыре оставались до записи. Новый назначил себя сейчас.

Он медленно перевёл взгляд на часы.

— То есть остальные могут ждать вас годами?

— Или прийти завтра подряд. Мы не знаем.

Эмма побледнела.

— Мне говорили, они обычно выпадают во сне.

— Иногда.

— Кто говорил?

Я знала ответ и не хотела произносить его.

— Варен.

В коридоре показался служащий с охапкой войлока. Увидев нас на полу и вывеску, он уронил свёрток.

Через несколько минут пришла целительница Мастерской. Она ощупала плечо, туго перевязала колено и потребовала, чтобы до вечера я не поднимала правой рукой ничего тяжелее чашки. Я подписала отказ от покоя в лечебной комнате левой рукой.

— Вы невозможная пациентка, — сказала она.

— Я предсказуемая пациентка.

Шутка прозвучала плохо. До пятой отметки я не была предсказуемой даже для себя.

Эмма проводила меня к столу. Вода уже не угрожала медному листу: она уложила войлок в три слоя и поставила под рамой таз. Печати Рема оставались целы. Штормовая линия начала бледнеть — буря прошла самый опасный поворот, и корабли могли держаться во внутренней гавани до отбоя.

— Я закончу дежурство, — сказала Эмма.

— У тебя нет допуска к завершению записи девятой доли.

— Тогда продиктуйте, а я буду рукой.

Я посмотрела на неё. В первом году ученики просят разрешения коснуться серьёзной работы. Эмма не просила. Она предложила точное распределение ответственности: решение моё, движение пера её.

— Хорошо. Но каждую строку читаешь вслух до нанесения соли.

Она придвинула стул к столу.

Рем остался у двери.

— Вам нужно в архив, — напомнила я.

— Сначала зафиксирую происшествие.

— Старый крюк не относится к делу Лейны Сайр.

— Относится к условиям, в которых ключевой специалист даёт заключение. И к цене штормовых формул, если её не учитывают в документах.

— Её учитывают. Одной строкой.

— Я видел договор Лиссы. В нём тоже всё помещалось в строку.

Ответить было нечем.

Эмма обмакнула перо в синие чернила. Я продиктовала спад западного давления, сохранение цепи на молу и время последнего опасного порыва. Потом попросила оставить место перед итогом.

— Для чего? — спросила она.

Я открыла служебный журнал на странице цены. Все мои прежние записи выглядели одинаково: «Безопасный час принят». Ни даты наступления, ни обстоятельств, ни последствий.

— Для фактического расхода, — сказала я. — Запиши: «Слепой промежуток начался в четвёртую отметку. Во время него переписчица не определила траекторию падения вывески, получила ушиб плеча и едва не сорвалась в лестничный пролёт. Свидетели — Эмма Тор и Рем Сайр».

Эмма подняла на меня глаза.

— Варен заставит вычеркнуть.

— Тогда вычеркнет своим именем.

Она записала каждое слово и прочла вслух. Я поставила метку левой рукой. Рем добавил аудиторскую отметку свидетеля.

На часах оставалось ещё сорок две минуты белой тишины.

— Теперь архив, — сказал он.

— Теперь архив, — согласилась я. — Но сначала копия этой страницы. Одна вам, одна мне, одна Эмме.

— Почему ученице?

— Потому что Мастерская привыкла считать цену только там, где хранит единственный экземпляр счёта.

Эмма потянулась за копировальной тканью.

За окнами буря уходила к северным волнорезам. Я всё ещё не видела ни одной безопасной дороги через оставшийся час. Но впервые ясно видела другое: слепота не обязывала меня доверять тому, кто назначал цену. Я могла просить наблюдение, делить работу, оставлять копии и называть последствия своими именами.

Это не возвращало предчувствие.

Зато возвращало мне выбор.

Глава 5. Сестра, которая считает дни

Полный счёт Лиссы Вей состоял из одного чистого листа.

Архивариус держал его щипцами за углы, словно пустота могла оставить отпечатки. Вверху стояли имя, метка напёрстка и дата регистрации в цеховой кассе. Внизу — сегодняшняя добровольная передача господину Крою. Между ними бумага сохраняла ровный молочный цвет.

— Контрольная пластина показала отзыв три месяца назад, — сказал Рем.

— Счёт его не подтверждает, — ответил архивариус.

— Он и не отрицает. Здесь нет записи о проверке остатка за три месяца.

— Отсутствующее действие невозможно внести.

Лисса перегнулась через стойку.

— А украденный час возможно?

Архивариус отступил, прижимая щипцы к груди. Варен стоял у шкафа личных счетов и смотрел на печать Рема, наложенную на ящик с сегодняшними операциями. Буря слабела, но склад первого света оставался закрыт. Мы получили лишь копию пустого счёта, письменный отказ открыть склад до отбоя и обязательство сохранить все пластины, которыми проверяли Лиссу.

В другом деле это могло бы считаться удачным днём.

В моём плече с каждым ударом сердца разливалась тупая боль. До конца слепого часа оставалось двенадцать минут.

— Кто может прочитать старый отзыв независимо от Мастерской? — спросил Рем.

Варен ответил первым:

— Никто. Временные шкалы обслуживаются только лицензированными часовщиками.

— Лицензированными Мастерской?

— Счётной палатой и цехом точного хода.

— Нира Рен, — сказала я.

Варен прикусил щёку.

— Твоя сестра давно не имеет допуска к внутренним пластинам.

— Зато имеет доступ к личным дневным шкалам. Если отзыв отразился на остатке Лиссы, Нира увидит след со стороны владельца.

— Семейное заключение легко оспорить.

— Тогда Палата назначит второго специалиста, — сказал Рем. — Но сначала нам нужно понять, что искать.

Лисса забрала копию своего счёта. Бумага дрожала в её руках.

— Я иду с вами.

— Вы вправе, — ответил Рем. — Но сначала мы зафиксируем добровольность осмотра и предел сведений, которые можно раскрывать.

— Опять бумага.

— На этот раз та, которая мешает нам забрать больше, чем вы разрешили.

Лисса посмотрела на него внимательнее и кивнула.

Когда стрелка пересекла пятую отметку, мир вернулся без торжественности. Я увидела, что архивариус вот-вот заденет локтем чернильницу, что Варен выберет левую лестницу, чтобы не встретиться с Талией, что Лисса безопаснее пройдёт у внутренней стены.

Я стояла неподвижно, ошеломлённая обилием простых дорог.

— Закончилось? — спросил Рем.

— Да.

— Вы уверены?

— Если архивариус сейчас повернётся, он опрокинет чернила.

Архивариус повернулся. Я успела подхватить флакон левой рукой.

Рем выдохнул. Только тогда я поняла, что все двенадцать минут он следил не за счётom, а за мной.

— Это не доказательство, — сказал он.

— Для меня достаточно.

— Я говорил не о даре. О вашем намерении работать дальше с повреждённым плечом.

— Я не буду поднимать правую руку.

— Снова убедительный медицинский признак.

Лисса фыркнула. Даже Варен поднял глаза.

Мы вышли из Мастерской втроём. Дождь превратился в мелкую водяную пыль, а ветер гнал её вдоль улицы. Над портом горели сигнальные башни: две белые точки и одна синяя. Опасность миновала, внешние причалы ещё оставались закрыты.

Мастерская Ниры находилась в Нижнем Круге, где дома прижимались друг к другу, будто делили тепло. Там чинили всё, что верхние кварталы предпочитали заменять: дверные часы, цеховые будильники, счётчики печного жара, браслеты ночных сторожей. Над дверью сестры не было вывески. Только круглый циферблат с одной стрелкой, которая всегда показывала настоящее.

По дороге Рем трижды предлагал нанять экипаж. В первый раз я отказалась из упрямства, во второй — из-за тесноты закрытой кареты, в третий согласилась, когда колено начало подламываться.

Он не сказал, что предупреждал.

Лисса сидела напротив, зажав между ладонями копию счёта.

— Если Нира найдёт кражу, мне вернут час?

— Сначала нужно установить, где он, — ответила я.

— В колбе?

— Возможно. Или уже передан покупателю. Или использован как компенсация.

Последние слова дались труднее.

— Компенсация вашего прогноза, — уточнила она.

— Моей формулы. Я не давала согласия на такой способ оплаты.

— Я тоже.

Это не было обвинением. Именно поэтому оно попало точнее.

Нира открыла дверь после первого стука. На ней был кожаный фартук с шестью карманами, волосы удерживали две латунные спицы, на щеке темнела полоса графита.

Она посмотрела на перевязанное колено, разорванный рукав, Рема, Лиссу и снова на меня.

— Ты обещала заходить до того, как начнёшь падать с лестниц.

— Я не упала.

— Тогда лестница пришла к тебе?

— Вывеска.

Нира распахнула дверь шире.

— Заходите все. Адель — на табурет. Остальные объясняют, почему у моей сестры лицо человека, который только что обнаружил цену мелким шрифтом.

Мастерская пахла маслом, сушёной мятой и горячей латунией. На стенах тикали десятки приборов, но ни один не совпадал с соседним: портовые часы считали прилив, пекарские — остывание печей, детские — время до возвращения родителей. В центре стоял широкий стол с увеличительными линзами.

Нира заставила меня снять перевязь, проверила плечо и только после этого позволила Рему показать предписание.

— Я не врач, — сказала она.

— Нам нужен часовщик, — ответил он.

— Тогда перестаньте держать бумагу так, будто это рецепт.

Она прочла протокол, копию счёта и письменное согласие Лиссы на осмотр дневной шкалы. На упоминании открытой ладони её палец остановился.

— Где колба?

— В изоляторе Мастерской под тремя метками, — сказал Рем.

— То есть далеко от независимого специалиста.

— До отбоя нельзя открыть склад без риска.

— Риск любит расписания учреждений.

Нира повернулась к Лиссе.

— Я могу прочитать вашу шкалу, но не увижу, кому передали время. Осмотр покажет только потери, возвраты и попытки вмешательства. Некоторые следы совпадают у болезни, тяжёлой ночной работы и передачи рассвета. Я буду задавать личные вопросы. Можете остановить меня в любой момент.

— Спрашивайте.

— Аудитор и Адель остаются?

Лисса помедлила.

— Аудитор — да. Адель тоже. Она должна услышать про свою формулу.

Нира бросила на меня короткий взгляд, но ничего не спросила.

Из запёртого ящика она достала чёрный обруч с двенадцатью тонкими зубцами. Лисса положила ладонь на войлочную подушку. Нира закрепила обруч вокруг её запястья, оставив между металлом и кожей толщину бумажного листа.

— Это больно?

— Холодно. Если станет больно, значит, я ошиблась с настройкой.

Она завела боковую пружину. Зубцы не коснулись кожи, но над каждым возникла световая риска. Одиннадцать поднялись на одинаковую высоту. Двенадцатая дрогнула и остановилась ниже.

— Год делится не только на месяцы, — объяснила Нира. — Каждая риска хранит повторяющийся рисунок ваших пробуждений. У вас есть нормальный след сезонной работы: зимой вы встаёте позже, весной раньше. Здесь — разрыв.

Она подвела линзу к третьей риске.

Внутри света обнаружилась тёмная выемка, ровная, как след от тонкого ножа.

— Один час? — спросила Лисса.

— Не меньше одного, не больше двух. Точный объём покажет сопоставление с цеховым будильником и свидетельствами за тот день.

— Я не помню никакого дня.

— Это тоже след. При добровольной продаже вы помнили бы сам договор, даже если потеряли пробуждение.

Рем наклонился к линзе.

— Можно определить способ изъятия?

— По краям. Законный узел оставляет две встречные дуги: волю донора и приём получателя. Здесь только одна.

Нира повернула линзу ко мне. На краю тёмной выемки блестела тонкая синяя нить.

Она была бледнее, чем в колбе, но я узнала собственную формулу.

— Штормовой якорь, — сказала я.

— Я называю это синим шрамом, — ответила Нира. — В последние месяцы их стало много.

Рем выпрямился.

— Насколько много?

Нира сняла обруч с руки Лиссы и подошла к шкафу у дальней стены. Там стояли картонные коробки с метками улиц. Не имён — улиц. Она вытащила один, потом второй, третий.

— Я веду обезличенные карты износа для цеховой лечебницы. Угольщики, докеры, прачки, швеи, ночные грузчики. Люди приходят, потому что перестают просыпаться к смене или чувствуют себя старше после обычной недели. Мастерская объясняет это переработкой.

Она разложила на столе прозрачные листы. На каждом были начерчены двенадцать дуг и отмечены провалы. Некоторые — красным, некоторые — синим.

— Красные — болезнь и переутомление. Синие — односторонний отзыв. Первый я увидела восемь месяцев назад. Потом три за месяц. Потом девять. За последние шесть недель — двадцать семь.

В комнате продолжали тикать часы. Я насчитала семь ударов, прежде чем поняла число.

— Двадцать семь человек? — спросил Рем.

— Двадцать семь шкал, которые я осматривала сама. На пяти по два разрыва. На одной — четыре.

Лисса прижала ладонь к запястью.

— Все из Нижнего Круга?

— Двадцать три. Остальные работают здесь, но живут выше.

— Почему вы не сообщили в Палату? — спросил Рем.

Нира закрыла один короб и посмотрела на его знак.

— Сообщила. Трижды.

Из нижнего ящика она достала письма. На первом стояла отметка о получении. На втором — ответ о недостатке идентифицирующих сведений. Третье вернулось с формулировкой: «Обратитесь к лицензирующему учреждению для внутренней сверки».

— К Мастерской Рассвета, — сказала я.

— К ней. Я отнесла копии Варену Долу. Он объяснил, что синие края появляются от близости штормовых каналов и не свидетельствуют об изъятии.

— Когда?

— Два месяца назад.

Варен знал не только действие якоря. Он знал, как его след выглядит на людях.

— Вы сохранили его ответ? — спросил Рем.

— Устный. После второго разговора мою лицензию на внутренние пластины не продлили. Совпадение, конечно.

— Почему ты мне не сказала? — спросила я.

Нира сложила руки на груди.

— Я говорила, что Мастерская слишком глубоко залезла в чужие часы. Ты отвечала, что без доказательств нельзя обвинять устройство, которое держит порт живым.

— Про синие шрамы ты не говорила.

— Потому что ты защищала формулу раньше, чем слышала вопрос.

Это было несправедливо. И правдиво достаточно, чтобы я не смогла сразу возразить.

— Я думала, ты согласишься с системой лицензий.

— Я спорила с системой, которая заставляет голодного человека доказывать, что его время не принадлежит учреждению.

Лисса встала рядом с Нирой.

— Моё доказательство теперь годится?

Нира смягчилась.

— Ваше — да. Но одного счёта хватит, чтобы вернуть один час, если его найдут. Чтобы остановить повторные списания, нужна закономерность.

Она положила поверх прозрачных листов карту Листвена. Красные отметки рассеялись по всему городу. Синие образовали дугу от Нижнего Круга к складам у гавани.

Я знала эту дугу.

По ней проходила запасная линия штормовых чаш.

— Эти дома стоят над медным каналом, — сказала я.

— Я выяснила это неделю назад.

— Почему не прислала карту?

— Прислала вчера утром. Эмма приняла пакет для тебя.

Вчера утром я записывала приближение бури. Пакеты складывали в ящик у двери, а Варен просматривал их до окончания дежурства.

Я не видела карты.

Рем попросил разрешения скопировать письма и обезличенную схему. Нира согласилась при условии, что имена останутся только у неё до получения согласия владельцев.

— Мне нужны свидетели, а не образцовые жертвы, — сказал он. — Никто не войдёт в дело без объяснения последствий.

— Хороший ответ, — произнесла Нира. — Я ожидала худшего.

— Это семейная черта?

— Нет. К Адели я всегда ожидаю лучшего, поэтому с ней сложнее.

Я закатила глаза, но напряжение между нами ослабло.

Пока Рем копировал карту, Нира заварила мяту. Лисса сидела у печки, завернувшись в шерстяную накидку, и составляла список смен за последние месяцы. Она вспомнила неделю, когда трижды проспала работу и потеряла плату за день. Это случилось ровно в период тёмной выемки.

— Если час вернут, мне вернут и заработок? — спросила она.

Рем перестал писать.

— Закон предусматривает возмещение доказанного ущерба.

— То есть мне придётся доказывать мастерам, что я была бедной из-за их кражи?

— Палате. Не Мастерской.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Только точно назвать дверь.

Нира подала мне кружку левой рукой, чтобы я не тянулась повреждённым плечом.

— Покажи свою шкалу, — сказала она.

— Она не относится к счёту Лиссы.

— Относится к синему шраму.

— Моя цена добровольная.

— Покажи.

Спорить с Нирой при свидетелях было бесполезно: она превращала каждое моё уклонение в дополнительный аргумент. Я положила ладонь на подушку.

Она закрепила обруч. Двенадцать световых рисок поднялись над запястьем. На пяти появились белые пустоты, ещё не привязанные к датам. Одна была обведена свежим серым краем — сегодняшний слепой час.

Нира не сказала «я предупреждала». Провела линзой над каждой пустотой и нахмурилась.

— Что?

— Четыре старых часа лежат отдельно. Новый связан с каналом, как положено по твоему договору. Но рядом есть ещё одна насечка.

— Шестая?

— Не полный час. Попытка списания. Кто-то коснулся шкалы через якорь и не смог вытянуть время.

— Когда?

— Между третьей и четвёртой отметкой сегодня.

В это время мы находились в нижнем цехе. Моя формула пульсировала в колбе Лиссы, удерживая скрытого донора. Система не просто пользовалась записью как замком. Она пробовала взять плату снова.

— Почему не смогла? — спросил Рем.

Нира повернула обруч, показывая маленький золотой узел рядом с насечкой.

— Потому что Адель сама автор формулы. Её личная метка распознала повтор без согласия и закрылась.

Лисса тихо сказала:

— А у меня не закрылась.

Нира сняла обруч с моей руки.

На столе лежали двадцать семь чужих шкал, пять моих добровольно отданных часов и одна неудавшаяся попытка кражи. Моя защита сработала не потому, что Мастерская соблюдала закон. Потому что механизм узнал собственную переписчицу.

— Нужен список всех чаш, подключённых к запасной линии, — сказала я.

— И журнал ваших прогнозов за восемь месяцев, — добавил Рем.

— Варен его не отдаст.

— Тогда выдаст письменный отказ.

Я посмотрела на синюю дугу карты. Она начиналась у домов людей, которые чинили сети, разгружали суда и шили одежду для тех, кто мог покупать первое утро без страха. Заканчивалась у стен Мастерской, где мои записи превращали чужие потери в точность.

— У меня есть ученическая копия журнала, — сказала я. — Эмма переписывает основные линии для экзамена. Там нет внутренних переводов, но есть даты, чаши и пределы точности.

— Она хранится в Мастерской? — спросил Рем.

— В общежитии учениц.

— Варен знает?

— Он сам утвердил задание.

Нира начала складывать карты в новый короб.

— Тогда он вспомнит о нём раньше вас. Пойдёте сейчас?

Я поднялась. Колено отозвалось болью, плечо — горячей тяжестью.

— Сейчас.

— Адель.

— Что?

Сестра затянула ремень короба и протянула его Рему.

— Ты не понесёшь доказательства одной рукой. И не потому, что я сомневаюсь в твоей самостоятельности.

Я вспомнила белую тишину на лестнице и ладонь Рема, которая отпустила меня сразу после спасения.

— Знаю, — сказала я.

Нира коснулась лбом моего лба — наш старый способ мириться без красивых слов.

Лисса убрала копию пустого счёта под пальто. Рем взял короб обеими руками. Я открыла дверь.

Над Нижним Кругом уже расчищалось небо. В лужах отражался поздний свет, бесплатный и пока ничей.

До общежития учениц было семь улиц.

На безопасной линии будущего я увидела, как у запертой двери нас ждёт человек Варена.

Глава 6. Подпись мёртвой женщины

Человек Варена ждал не у двери общежития.

Он стоял внутри, за мутным стеклом, и снимал с полок ученические тетради.

Будущее показало мне это за четыре шага до крыльца: серый служебный сюртук, связку книг под локтем и руку, тянущуюся к верхней полке. Лицо оставалось размытым. Безопасная линия не была зрением сквозь стены — она складывала вероятный путь из ветра, звуков и множества мелких причин, которых я не успевала назвать. Сейчас из приоткрытой форточки пахло мокрой бумагой, а на ступени лежала сорванная сургучная крошка.

Я подняла ладонь.

Рем остановился вместе со мной. Лисса едва не налетела на короб с картами, который он нёс. Нира шла последней и, заметив мой взгляд, сразу перевела глаза на окна.

— Внутри один мужчина, — сказала я. — Собирает тетради с верхней полки. Серый сюртук Мастерской.

— Видишь, кто? — спросил Рем.

— Нет. Через минуту он выйдет во двор, если мы войдём через парадную дверь.

Лисса сжала губы.

— Значит, через двор.

— Если перекроем выход, он может уничтожить журнал, — ответил Рем. — Нам важнее сохранить копию, чем поймать человека с книгой в руке.

Я ожидала, что он достанет предписание и потребует уступить ему дорогу. Вместо этого он поставил короб на сухую ступень и спросил:

— Где хранится журнал Эммы?

— Третья спальня, шкаф у печной трубы. Тетрадь в синем полотне, на корешке медная шестёрка.

— Другой выход?

— Кухонная дверь во двор. Лестница одна.

Нира сняла с волос латунную спицу.

— Окна первого этажа закрываются поворотной защёлкой. Эта подойдёт.

— Мы не взламываем общежитие, — сказал Рем.

— Разумеется. Мы открываем окно помещения, куда моя сестра имеет право входить как наставница ученицы.

— Права входить и права открывать окно снаружи — разные статьи.

— Тогда стойте здесь и объясняйте статьям, куда исчезли доказательства.

Я забрала у Рема короб и передала Лиссе.

— Оставайтесь с ним на улице. Если человек выйдет, не задерживайте. Запомните лицо, направление и всё, что будет у него в руках.

— А вы? — спросила Лисса.

— Войду через кухню. Законно: я отвечаю за учебные записи Эммы. Рем пойдёт через парадную и назовёт цель осмотра вслух.

— Чтобы он понял, какую именно тетрадь нужно сжечь?

— Чтобы понял, что любое действие после объявления станет действием после объявления. До него он может назвать это обычной проверкой.

Рем кивнул.

— Тридцать ударов сердца. Потом я вхожу.

Нира повела меня вдоль стены. После шторма кирпич потемнел, под окнами стояли переполненные бочки. Кухонная створка оказалась приоткрыта: из щели тянуло капустой и золой. Мы вошли без спицы.

У плиты дремала смотрительница общежития госпожа Терн. Услышав шаги, она проснулась и схватилась за связку ключей.

— Переписчица Рен? Сегодня же отбой после бури. Девушки на занятиях не будут.

— Мне нужна учебная тетрадь Эммы. Кто сейчас наверху?

Смотрительница заморгала.

— Проверяющий. Господин Кель. Сказал, после протечки надо убрать испорченные книги.

Я знала Келя: помощник архивариуса, безупречно ровный пробор, привычка сушить промокшие листы солью, а не выбрасывать. Именно он когда-то отругал меня за каплю чая на карте приливов.

Сверху скрипнула половица.

— Он показал распоряжение?

— Печать смотрителя Дола. Всё как положено.

Парадная дверь открылась. Голос Рема прозвучал достаточно громко, чтобы услышали оба этажа:

— Аудитор Палаты Рем Сайр. В рамках проверки чаши номер семьдесят четыре прошу сохранить без изменений все ученические журналы прогнозов за последние восемь месяцев.

Наверху что-то упало.

Я побежала к лестнице. Колено отозвалось резкой болью, но ступени уже лежали в безопасной линии — сухие, целые, предсказуемые. Нира держалась рядом, не касаясь меня.

Кель появился на площадке второго этажа. Под мышкой у него были три синие тетради. Увидев нас, он прижал их крепче.

— Адель, какое счастье. Я как раз спасаю учебные материалы от сырости.

— Тогда положите их на подоконник.

— Здесь сквозняк.

— На стол у двери.

Он улыбнулся виновато и почти убедительно.

— Распоряжение требует перенести всё в сушильный цех.

Рем поднялся на первую ступень и остановился, оставляя Келю свободный проход вниз.

— С этой минуты материалы относятся к предмету проверки. Вы можете передать их госпоже Рен или продолжить нести. Во втором случае я запишу ваше имя, распоряжение и место доставки. Задерживать вас не буду.

Кель посмотрел на парадную дверь. Через стекло была видна Лисса с коробом. Дворовой выход оставался свободным.

— Вы делаете из протечки преступление, — сказал он.

— Нет, — ответил Рем. — Пока я записываю протечку.

Я заметила тёмную кайму на нижней тетради. Полотно было мокрым, но вода поднималась от обреза к корешку, словно книгу окунули в таз. На остальных лежали отдельные круглые капли.

— Где протекло? — спросила я.

— Над третьей спальней.

— Крыша там наклонена к востоку. Вода попала бы на верхний край.

Кель пожал плечами.

— Буря не читает чертежей.

— А таз читает.

Улыбка исчезла.

Нира обошла меня и подняла ладони, показывая, что в них ничего нет.

— Господин Кель, отдайте тетради. Варен не потеряет должность из-за испорченной бумаги. А вы можете потерять свою, если останетесь единственным человеком, чьи руки на ней найдут.

Кель перевёл взгляд на неё.

— Вы ничего не знаете о Варене Доле.

— Зато знаю, что он посылает архивариуса делать работу водосточной трубы.

На миг в лице Келя проступила усталость. Потом снизу хлопнула дверь: порыв ветра, не человек. Он дёрнулся и выпустил верхнюю тетрадь.

Я поймала её здоровой рукой. Боль прострелила плечо, книга ударилась о перила, но не упала.

Кель отступил.

— Забирайте. Все забирайте. Мне велели перенести их до отбоя, только и всего.

— Куда? — спросил Рем.

— В старую сушильню.

— Распоряжение покажете?

Кель достал сложенный лист. Рем не взял его, пока архивариус не положил бумагу на ступень. Затем развернул за края.

Внизу стояла печать Варена. Текст предписывал изъять журналы, «повреждённые буревой влагой и утратившие учебную ценность», и передать их на утилизацию. Время было предоставлено за полчаса до первого удара шторма.

— Тогда крыша ещё не протекла, — сказала я.

Кель побледнел.

— Я получил лист недавно.

— И не заметили время?

— Я выполняю архивные распоряжения, а не проверяю часы.

Рем сложил лист в прозрачный пакет.

— Вы свободны. До письменного вызова не обсуждайте содержание распоряжения с господином Долем или сотрудниками нижнего цеха.

— Вы не можете запретить мне говорить с начальником.

— Не могу. Поэтому не запрещаю. Я предупреждаю, что разговор будет внесён в дело, если повлияет на документы или показания.

Кель ушёл без тетрадей. Лисса проводила его взглядом через стекло и подняла два пальца: пустые руки, направление к Мастерской.

Эммин журнал оказался нижним, намеренно намоченным. Медная шестёрка потемнела, страницы слиплись. Я не стала раскрывать их силой.

— Нужны промокательная бумага, соль и ровное тепло, — сказала я.

— У меня всё есть, — ответила Нира. — Но сначала опись.

Госпожа Терн принесла доску. Рем записал состояние каждой книги, время, имена присутствующих и слова Келя о сушильне. Смотрительница поставила подпись и добавила от себя: утром потолок третьей спальни был сухим. Лисса подписала наблюдение с улицы. Нира завернула мокрый журнал в чистое полотно, не разворачивая.

— В мою мастерскую? — спросила она.

— Нет, — сказал Рем. — Варен знает адрес. Нужен официальный стол.

— В Палате на ночь книги запрут в сырой шкаф.

— Есть лаборатория вещественных следов.

— И часовщик, который понимает временные чернила?

— Теперь есть.

Нира прищурилась.

— Это приглашение или попытка присвоить мои руки?

— Приглашение с оплатой по ставке независимого специалиста, правом на собственное заключение и отказ от любого действия.

— Тогда говорите сразу так.

Мы пошли в Палату. Дождь кончился, но водостоки ещё гремели. Кель исчез за поворотом, ведущим к Мастерской. Я позволила ему уйти. Сохранённая тетрадь весила больше любого признания, выжатого на лестнице.

Лаборатория помещалась в северной башне Палаты, где камень круглый год оставался прохладным. Дежурная хранительница выдала Нире решётчатую раму, два пресса и короб серой соли. Каждый предмет она внесла в опись. Мокрые страницы разделяли тонкими листами, не касаясь текста.

Эмма переписывала аккуратно. Даже вода не смогла размыть вдавленные линии её почерка. Первые доступные страницы относились к зимним прогнозам. Даты, номера чаш, предел точности, отданный безопасный час. Никаких переводов рассвета.

— Ищем день смерти Лейны? — спросила Нира.

Рем стоял у окна, пока мы работали. Услышав имя матери, он повернулся.

— И день сегодняшней продажи. Между ними может быть подготовительная запись.

— Лейна Сайр умерла шестого дня месяца Талых Крыш, шесть лет назад, — сказала я. — Ученическая копия начата восемь месяцев назад.

— Подпись могли перенести недавно, — ответил он. — Для законной передачи нужно три свежих элемента: воля донора, его часовая метка и свидетельство жизни в момент согласия. Первые два можно хранить. Третье действует сутки.

Лисса сидела за соседним столом и грела пальцы о чашку.

— Значит, кто-то вчера засвидетельствовал, что мёртвая женщина жива?

— Или заставил устройство принять иной след жизни за её след.

Я вспомнила, как моя авторская метка остановила повторное списание. Механизм узнавал не человека целиком. Он узнавал правильно построенный узор.

— Штормовая запись, — сказала я. — Она подтверждает, что переписчица жива в момент уточнения. Иначе формула не принимает безопасный час.

Рем подошёл к столу.

— Можно заменить имя переписчицы именем донора?

— В обычных чернилах нет. У записи четыре слоя: погода, место, предел и цена. Имя автора скрыто в цене, его нельзя выскоблить отдельно.

Нира подняла лист, который только что отделила.

— А если не выскабливать? Если положить чужую метку поверх?

На странице значилась запись трёхмесячной давности. Эмма скопировала мой прогноз западного шквала и рядом нарисовала учебную ошибку — слишком широкую петлю возврата. Учительской рукой я исправила её синими чернилами.

Внутри исправления проступала бледная открытая ладонь.

Та самая метка, что была в колбе Лиссы.

Я наклонила лист к лампе. Синий штрих шёл поверх чёрного ученического текста, но под ним лежал ещё один слой, почти бесцветный. Он повторял форму моей подписи: восходящая дуга, короткий разрыв, три точки предела. Только дуга была развёрнута внутрь.

— Это не моя подпись, — сказала я.

— Похожа, — заметила хранительница.

— Поэтому и работает. Моя подпись замыкает цену на мне. Эта раскрывает её наружу, к подставленной часовой метке.

Рем положил рядом согласие Лейны, найденное в цеховом счёте. Под обычной лампой подписи отличались: Лейна выводила первую букву углом, я — петлёй. Но когда Нира поставила за листом часовое зеркало, чернильные тени совпали.

Под почерком Лейны лежала перевёрнутая схема моей формулы.

Рем долго смотрел на лист.

— Её рука здесь настоящая, — сказал он наконец. — Она подписала разрешение на настройку домашних часов после болезни. Я сам был свидетелем.

Его голос оставался ровным. Только большой палец прижимал край стола сильнее, чем требовалось.

— Когда это было? — спросила Нира мягче.

— За девять дней до смерти. В разрешении не было ни продажи, ни дара. Архив Мастерской хранил образец подписи для обслуживания шкалы.

— Его перенесли на новый бланк, — сказала я. — А перевёрнутой формулой добавили свежий след жизни.

Лисса подошла ближе.

— Значит, доказательство есть?

Рем заставил себя отпустить стол.

— Есть доказательство составного документа. Чтобы доказать подделку согласия, нужно показать, что нижний слой создан после смерти и что Лейна не давала разрешения на передачу.

Он достал из внутреннего кармана узкий конверт. В нём лежала копия того старого разрешения. Тот же угловатый росчерк, тот же номер домашней шкалы, но иная формулировка над подписью.

— Я принёс это до входа в Мастерскую, — сказал он. — Боялся, что память подменит факты, если увижу её имя.

Нира положила документы рядом, не накладывая один на другой.

Три случайных дрожания пера совпали до волоска. Живой человек не повторяет их дважды одинаково.

Хранительница записала вывод в протокол: подпись перенесена механическим часовым способом. Рем подтвердил предел своего свидетельства — он узнавал исходный документ, но не мог сам устанавливать состав чернил. Нира взяла пробу только с края перевёрнутой дуги.

Под нагревом на фарфоровой пластине выступили три цвета: медный, синий и тускло-белый.

— Белый — часовая взвесь, — сказала она. — Медный проводит метку. Синий?

Я поднесла пластину ближе, не касаясь.

В моих рабочих чернилах синий цвет давала соль грозowego стекла. Она раскрывалась только после первого грома и распадалась за сутки, если её не закрепить в медном канале. На этой пробе кристаллы были ещё острыми.

— Чернила изготовлены сегодня, — сказала я. — После первого удара. Из моей штормовой смеси.

— Смесь хранится у вашего стола? — спросила хранительница.

— Основной запас — да. Но нижний цех получает отходы после каждого прогноза: ими проверяют проводимость чаш.

Рем развернул распоряжение Келю. На обороте проступил слабый синий отпечаток большого пальца.

— Он получил лист после удара, как и сказал. Текст составили заранее, печать поставили заранее, а передали человеку из нижнего цеха или рядом с ним.

— Кель не спускался вниз во время проверки, — сказала я. — Я видела его утром в архиве.

— Отпечаток мог оставить передавший.

На мокром журнале метка открытой ладони встречалась ещё семь раз. Каждый раз — рядом с моим исправлением или подписью наставницы. Даты совпадали с семью из двадцати

семи синих шрамов на картах Ниры. Мы сопоставили номера чаш: шесть записей проходили через запасную линию, одна — через чашу семьдесят четыре.

Случайность закончилась на втором совпадении. На седьмом перед нами лежал маршрут.

От моего стола использованная смесь уходила по медному каналу в нижний цех. Там её должны были гасить известью и отправлять в обычную сушильню. Но в старой схеме здания, которую принесла хранительница, существовала другая сушильня — закрытая пятнадцать лет назад после пожара. Она находилась за складом первого света.

На плане помещение называлось «цехом повторной записи».

— Такой работы больше нет, — сказала я. — Повреждённый прогноз нельзя переписывать: новая запись меняет цену и создаёт две несовместимые безопасные линии.

— Для прогноза нельзя, — ответила Нира. — А для подписи?

Я проследила медный канал на плане. Он входил в закрытый цех, огибал сушильные столы и соединялся с запасной линией чаш. Там можно было взять мою живую авторскую метку, развернуть слой цены и наложить его на архивный образец чужой руки. Получалось согласие, которого никто не давал, и свидетельство жизни человека, давно лишённого возможности возразить.

— Поэтому выбрали мёртвую, — сказала Лисса. — Она не заметит пропажу и не придёт за счётом.

Рем смотрел на название цеха.

— Моя мать была удобным донором. Не целью.

В его словах не было облегчения. Случайная жестокость не меньше намеренной; иногда она хуже, потому что обещает множество других имён.

Я хотела коснуться его руки. Не сделала этого без вопроса.

— Можно? — спросила я.

Он взглянул на меня, затем положил ладонь на стол между нами.

Я накрыла её своей. Всего на один вдох. Его пальцы были холодными, но не неподвижными. Он сжал мою руку и отпустил первым.

— Спасибо, — сказал он.

Не за утешение. За то, что я спросила.

Хранительница кашлянула и вернула нас к протоколу.

— Для входа в закрытый цех нужно новое предписание. Ночное дежурство Палаты может выдать его при угрозе уничтожения следов, но потребуется точное основание.

— Есть заранее составленное распоряжение об уничтожении журнала, — сказал Рем. — Свежие чернила на поддельном документе и канал, ведущий к помещению повторной записи.

— Есть ещё одно, — сказала я.

Я перевернула схему. Закрытый цех имел отдельный вытяжной канал. После бури заслонка открывалась автоматически, чтобы вывести остаточный заряд. Если внутри работали свежими штормовыми чернилами, над крышей должен был появиться синий пар.

Я подошла к окну северной башни.

Над Мастерской Рассвета уже темнело небо. Первые окна зажглись янтарным светом. За складской крышей поднималась тонкая синяя нить — слишком ровная для дыма и слишком поздняя для грозы.

Закрытый цех сушил новую запись.

Рем встал рядом, оставив между нами расстояние ладони.

— Если войдём сейчас, Варен скажет, что мы остановили подготовку к следующей буре.

— Если не войдём, к утру там останется чистый стол.

— Я запрашиваю предписание.

— А я подпишу техническое основание своим именем.

Он повернулся ко мне.

— После сегодняшнего это может стоить вам допуска.

— Я знаю цену.

На этот раз цена не пряталась в мелком шрифте и не приходила слепым часом. Я видела её полностью: стол, к которому меня могли не пустить; форму, которую могли изъять; порт, где мой голос перестал бы считаться единственным надёжным.

И всё же за стеклом поднимался синий пар из чернил, созданных моей рукой.

— Пишите, — сказала я.

Рем разложил бланк. Я продиктовала свойства смеси, время её распада, путь медного канала и причину немедленного осмотра. Нира добавила заключение о часовом слое. Лисса попросила внести, что её шкала несёт тот же след и что она согласна свидетельствовать. Хранительница поставила лабораторную печать.

Когда Рем понёс документы ночному судье Палаты, я осталась у окна.

Синяя нить над Мастерской стала толще.

Где-то в закрытом цехе чужой почерк учился говорить «да» голосами тех, кто никогда не соглашался.

И этот голос питали мои штормы.

Глава 7. Покупатели темноты

Ночной судья поставил печать, когда синяя нить над Мастерской уже распалась на клочки.

Предписание разрешало осмотреть цех повторной записи и остановить только каналы с подменённым согласием. Честные передачи рассветов должны были продолжаться.

— Варен спрячет следы за законной работой, — сказала Нира.

— Зато мы не оставим без помощи тех, кто пришёл за ней, — ответил Рем.

Лисса поправила короб на коленях.

— Я продала утро не ради красивой ленты. Если отмените сделку, хозяин комнаты не станет ждать решения Палаты.

Перед Мастерской стояла очередь. Я ожидала увидеть богатых бессонников, которым мало собственных дней. Вместо них под навесом ждали те, кто боялся утра: портовая счётчица с талоном в обеих руках, пожилой мужчина с погасшим ночником, молодой грузчик, считавший вдохи вместе со спутницей.

Над дверью горела надпись: «Утро можно начать снова».

— После больших бурь всегда так, — сказала Лисса. — Кто-то пережил крушение. Кто-то утром встретит сборщиков долгов.

Я знала устройство услуги. В колбе хранили не солнечный свет, а рисунок пробуждения: тепло в крови, ясность первого вдоха, короткую уверенность тела, что день стоит начать. Я проверяла чаши и ни разу не спросила, кто приходит за этим ощущением ночью.

Рем предъявил предписание распорядительнице.

— Если закроете приём, двенадцать человек потеряют назначенное окно.

— Приём не закрываем. Отделите добровольные сделки от запасной линии. Никто не уходит с документами.

Молодой грузчик вскинул голову.

— Вы заберёте рассветы?

— Нет. Проверю, чьи часы в них находятся и было ли согласие.

— Мне всё равно, чьи. Утром на северный кран. После обрыва на третьей площадке ноги становятся чужими. Если не выйду, меня заменят. Вы вернёте место?

Рем выдержал паузу.

— Нет. Но если час украден, оставить его вам означает заставить другого оплатить вашу работу своей жизнью.

— Красивые слова у того, кто не полезет на кран.

— Да.

Я присела, сохраняя расстояние.

— Вам объяснили, что рассвет не уберёт страх? Он даст спокойный первый час, но страх вернётся на лестнице.

Спутница грузчика подняла талон.

— Нам обещали: «сможет начать день без темноты».

Нира потребовала контрольную пластину. Рем оформил добровольную проверку покупок, Ида Мор завершила процедуру. Первым подошёл грузчик, Тил. Его колба оказалась чистой: одна замкнутая метка, одна передача, право отзыва через семь дней.

— Донор жив? — спросил он.

— На момент согласия был жив, — сказала Нира. — Повторного списания нет.

Тил долго смотрел на янтарный свет.

— Тогда беру.

Его спутница попросила письменное объяснение пределов услуги. Распорядительница впервые не отделалась рекламной фразой.

Мы спустились к складу. Варен ждал между рядами колб.

— Адель, вы привели человека без внутреннего допуска.

— Двух, — сказала Нира. — Не обделяйте меня нарушением.

Рем показал предписание. Варен заявил, что цех закрыт после пожара и вскрытие угрожает активному запасу. Но запасной канал оставался тёплым и нёс заряд от чаш, а не к ним.

За подвижным стеллажом обнаружилась дверь со свежими царапинами. Рем предложил Варену открыть её добровольно. Тот потребовал ждать главного мастера Севера. Пристав повернул рычаг, и стеллаж отъехал слишком бесшумно для механизма, якобы не работавшего пятнадцать лет.

Внутри стояли шесть сушильных столов. В желобе текла синяя смесь. У стены вращался барабан с архивными подписями — сотни пластинок с именами и номерами домашних шкал. Трое работников собирали коробки.

На ближайшем листе стояло имя Севи и разрешение передать один рассвет ночному приюту. Под подписью лежала перевёрнутая дуга моей формулы. Справа значилось: «вторичный выпуск — пять единиц».

— Одно согласие, пять колб, — сказала Лисса.

— Одна основа, пять долей, — возразил Варен. — Общая сумма не превышает часа.

Нира поставила пластину под желоб.

— Тогда почему каждая доля несёт метку целого часа?

Мы проверили три листа. Первый превращал одно пожертвование в пять изъятий. Второй использовал разрешение умершего мужчины на ремонт шкалы. Третий был законным: живая донорша согласилась передать два рассвета, сверх договора барабан не выпустил ничего.

Законное и украденное проходило через одни руки и чаши. Закрывать всё значило уничтожить помощь вместе с преступлением; оставить всё — позволить преступлению называться помощью.

— Кто назначает вторичный выпуск? — спросил Рем.

Работники смотрели на Варена.

— Система спроса. Мы обязаны держать резерв для спасателей и работников опасных смен.

— Система не пишет цифру рукой.

В ведомости стояла буква «С» и номер внутреннего протокола.

— Север, — сказала я.

— Сводный резерв, — ответил Варен слишком быстро.

В коробках лежали уже назначенные покупателям колбы. Из дверей донёсся голос распорядительницы:

— Там женщина начала задыхаться. Её талон в первой коробке.

Вот почему коробки собирали при свидетелях. Любое решение превращалось в обвинение: либо Палата раздаёт краденое, либо бросает испуганных людей.

Я всмотрелась в каналы. Формула позволяла отличить повтор: у каждой копии дуга цены поворачивалась на одну восьмую. Я всегда считала сдвиг погрешностью чаши.

— Можно снять якорь только с повторных выпусков, — сказала я.

— И вернуть часы в исходные шкалы, — поняла Нира.

— Постепенно. Иначе отдача ударит разом.

Варен шагнул к желобу, но Рем встал между ним и столом.

— Технический риск?

— Если ошибусь, законные колбы потеряют рисунок пробуждения. Людям вернётся пустое время, но не купленное спокойствие.

Лисса обняла короб.

— Делайте.

— Ваша продажа тоже может распасться. Вы потеряете восемь серебряных и, возможно, комнату.

— Это мой час и мой риск. Те люди своего риска не выбирали.

Рем записал предел моей уверенности — семь долей — и получил согласия специалистов. Я развела грозовую соль водой. Смесь пахла моим столом, мокрой медью и первым громом. Я отправляла вниз использованные чернила и называла отходами; кто-то другой называл их сырьём.

Я провела размыкающую черту.

Пробная колба потемнела. Янтарный свет сжался в точку и ушёл по каналу белой нитью. На пластине разомкнулась только внешняя ладонь; исходная метка осталась целой.

— Возврат пошёл, — сказала Нира. — Медленно, без разрыва шкалы.

Из тридцати шести приготовленных колб двадцать оказались чистыми, одиннадцать — повторными, пять требовали архива. Чистые подняли покупателям. Повторные подключили к обратному каналу. Неясные опечатали, предложив людям ждать, вернуть деньги или взять законную замену.

Женщина, которая задыхалась, получила чистый рассвет через четыре минуты. Она прижимала тёплую колбу к груди, а Ида считала вдохи вместе с ней. Не всё полезное в Мастерской помещалось в стекло.

Тил перед уходом попросил у Ниры адрес мастера, помогающего привыкать к высоте без временных чар. Она дала два и предупредила, что быстрых чудес там не обещают.

— Вы всё равно думаете, что мы покупатели темноты? — спросила меня распорядительница.

— Вы продаёте короткий свет людям, которым темно. Поэтому особенно обязаны знать, у кого его взяли.

Ида нашла за барабаном второй реестр: номера шкал, выпуски, назначения. Напротив повторов значились «страх утра» и «общественная польза». В последней графе было записано, сколько безопасных часов переписчиков закрепило каждую партию.

Моё имя встречалось чаще остальных.

Теперь я знала, почему Мастерская поощряла повышение точности и называла потерянные часы почётной ценой профессии.

— Забираем реестр, — сказал Рем.

Варен впервые испугался.

— Без него вы не проведёте следующий шторм.

— Почему? — спросила я.

— Запасная линия связана с распределением нагрузки.

— Мои прогнозы работали до этого цеха.

— Ваши — да. Городской контур теперь нет.

Рем опечатал реестр.

— Утром потребую архив доноров.

— Север не отдаст имени. Он скорее остановит прогнозы.

Я посмотрела на двадцать пустых гнёзд, из которых законный свет ушёл к тем, кому помогал встретить день, и на одиннадцать колб, возвращавших украденное время невидимым владельцам.

Правда не отделяла свет от тьмы одной ясной чертой.

Она проходила через каждый рассвет.

Глава 8. Реестр без доноров

К утру изыятый реестр успел стать опаснее шторма.

Он лежал на длинном столе Палаты под тремя прозрачными пластинами. Печати Рема удерживали страницы раскрытыми, но даже сквозь стекло я видела, как цифры безопасных часов дрожат рядом с моим именем. Будто им было холодно без тех людей, у которых Мастерская забрала время.

Имена в книге отсутствовали.

Вместо них шли номера домашних шкал: НК-17-204, НК-17-204, НК-17-204 — один и тот же донор трижды за один сезон. Дальше стояли назначение колбы, цена, номер штормового поля и подпись распорядителя. Человек был превращён в адрес прибора. Получатель имел имя. Переписчик имел имя. Мастер, разрешивший выпуск, — хотя бы инициал. Только тот, кто платил часом жизни, оставался номером.

— Это не реестр без доноров, — сказала Нира. — Это реестр, в котором доноров велели не видеть.

Она не спала и не пыталась скрыть этого. На её манжетах засохла синяя смесь из закрытого цеха. Я хотела отправить сестру домой, но понимала: предложение прозвучит так, будто я считаю её усталость важнее её работы.

Рем разложил рядом опись изытого. За ночь его почерк стал мельче.

— Архив соответствий должен храниться в северном сейфе Мастерской, — сказал он. — Без него мы не узнаем, к каким шкалам уже пошёл возврат и кому потребуется помощь часовщика.

— Мы знаем адреса шкал, — возразила я.

— Знаем номера. Домашнюю шкалу можно заменить, продать вместе с комнатой, перенести в другой квартал. Номер без имени доказывает операцию, но не находит человека.

Дверь открылась ровно в шесть.

Главный мастер Север вошёл без помощников. Он был ниже, чем казался с помоста в Большом зале, и старше, чем на портретах у приёмной. Серебряная цепь должности лежала на сером сюртуке без единого пятна. Север снял перчатки, положил их на край стола и не посмотрел на Варена, который всю ночь сидел под надзором у окна.

— Я получил уведомление о повреждении одиннадцати единиц готового резерва, — сказал Север.

— Обратный канал сохранил часы и вернул их исходным шкалам, — ответила Нира. — Повреждены только незаконные назначения.

— Так вы решили до установления владельцев.

— Владельцы часов — те, у кого их взяли.

Север наконец посмотрел на неё.

— Уверенность хорошего мастера всегда звучит просто. Последствия её обычно сложнее.

Рем подвинул требование через стол.

— Архив доноров. Оригиналы согласий, карточки соответствий и журнал доступа за последние пять лет.

Север прочёл первую строку и вернул лист.

— Отказываю.

— Основание?

— Безопасность доноров.

Он произнёс это без насмешки. Так произносят правило, которое повторяли достаточно долго, чтобы забыть, кому оно служит.

— В карточках есть адреса, сведения о долгах, болезнях, семейных обстоятельствах, — продолжил Север. — Половина добровольных доноров согласилась на передачу только при условии тайны. Вы вынесете архив из защищённого контура и превратите бедных людей в цель для взыскателей, родственников и скупщиков времени.

— Я требую не публикации, а доступа аудитора, — сказал Рем.

— Вчера доступ аудитора привёл в закрытый цех продавца часа и двух посторонних специалистов.

— Одного специалиста назначила Палата. Вторая установила риск для двадцати семи жителей.

— А продавец?

Лисса ждала в соседней комнате как свидетель. Я вспомнила её короб, восемь серебряных и спокойствие, с которым она согласилась потерять всё, что получила честно, лишь бы чужим людям вернули украденное.

— Продавец увидела, что её согласие используют как оправдание для чужой кражи, — сказала я. — Это касалось её сделки.

Север повернулся ко мне.

— Переписчица Рен, вы по-прежнему числитесь в штате Мастерской. Ваше присутствие здесь я могу объяснить профессиональной необходимостью. Ваши заявления — уже нет.

На цепи у него висел ключ от моего стола. Не тот медный ключ, который лежал в моём кармане, а право объявить его бесполезным.

Рем не вмешался. Он оставил угрозу между нами в её точной форме.

— В реестре триста восемьдесят две операции, закреплённые моими безопасными часами, — сказала я. — Мне объясняли, что они стабилизируют городской контур прогнозов. Здесь они стабилизируют повторные изъятия. Я имею право знать, как использовали цену моей работы.

— Имеете. В пределах внутренней проверки.

— Которой руководит Варен?

У окна скрипнул стул.

Север не обернулся.

— Которой с этого часа руковожу я.

— Тогда начните с архива, — сказал Рем.

— Я уже начал. Он останется в Мастерской.

Рем раскрыл судебное предписание. Оно разрешало осмотр цеха, остановку каналов с подменённым согласием и изъятие связанных рабочих документов. Север провёл ногтем по формулировке.

— Архив доноров обслуживает все передачи, включая законные. Он не является документом закрытого цеха. Ваше предписание его не охватывает.

— Я вернусь к судье.

— Возвращайтесь. К полудню портовый Совет получит расчёт последствий.

Он достал из внутреннего кармана сложенную схему и положил поверх требования. Я узнала контуры бухты, башни наблюдения и двенадцать штормовых столов. Между ними тянулись синие линии. Раньше линия от моего стола заканчивалась у погодной мачты. На схеме она уходила под Мастерскую и соединялась с резервными чашами.

— После обвала западной башни восемь лет назад город объединил предупреждения в один контур, — сказал Север. — Расхождение прогнозов сократилось на треть. Время доставки сигнала до дальних причалов — почти вдвое. Контур держится на запасе безопасных часов. Изымите реестр, вскройте архив или остановите чаши — и я отключу его, пока не смогу гарантировать целостность.

— Это угроза порту? — спросила Нира.

— Это обязанность не выдавать непроверенный прогноз за надёжный.

Я смотрела на линии и знала, что часть сказанного правдива. До единого контура переписчики спорили над каждым фронтом. Капитаны выбирали удобное предупреждение, а городские колокола иногда звонили после первого шквала. Объединение столов спасало жизни.

Но я помнила и другое: мои прогнозы работали до запасной линии. Север соединил две вещи — обмен наблюдениями и скрытый резерв — так тесно, что теперь защищал одну пользой другой.

— Покажите техническое основание, — сказала я. — Где расчёт, доказывающий, что архив имён влияет на контур?

— Внутренние схемы не покидают Мастерскую.

— Значит, мы должны поверить вам на слово.

— Нет. Вы должны выполнять свою работу до решения Совета.

За окном Листвен просыпался. По мокрой мостовой катили телеги с рыбой, на крышах открывали дождевые заслонки. Через два дня ожидался длинный фронт с Тёмного моря. Я ещё не записала его полностью. Если Север заблокирует столы, порт останется с наблюдениями башен и старыми картами. Люди не станут беспомощными, но риск возрастет.

Рем сложил схему.

— Вы утверждаете, что безопасность города зависит от сохранения тайны возможного преступления.

— Я утверждаю, что вы не умеете отделить одно от другого без помощи тех, кого обвиняете.

— Тогда помогите.

— На условиях Мастерской.

— Нет.

Они говорили тихо. От этого спор казался не столкновением людей, а двумя механизмами, каждый из которых считал себя единственным тормозом перед обрывом.

Я взяла схему и поднесла к окну. Синие линии были нанесены чернилами из моего желоба. В местах соединения оставались маленькие разрывы — интервалы, когда поля разных переписчиков не совпадали. Резерв часов заполнял их и создавал гладкую общую кривую.

— Контур не становится точнее, — сказала я. — Он скрывает расхождения.

Север чуть прищурился.

— Расхождение пугает тех, кто должен принять решение за минуты.

— Оно показывает предел знания. Если две башни видят разный путь фронта, гладкая линия не делает один путь истинным.

— Но позволяет вовремя закрыть гавань.

— Или закрыть не ту половину.

Я нашла на схеме вчерашний участок. Мой прогноз расходился с наблюдением западной башни на две доли ветра. Контур провёл между ними уверенную линию и не оставил следа сомнения.

— Где хранятся исходные поля? — спросила я.

— В архиве прогнозов.

— Рядом с архивом доноров?

Север промолчал.

Рем понял раньше меня.

— Один сейф, — сказал он. — Вы связали доступ к именам с доступом к погодным данным.

— Архивный блок проектировали для защиты обоих массивов.

— Кто утвердил проект?

— Портовый Совет.

— По вашему представлению?

— По представлению Мастерской.

Так возникла ловушка. Не сегодня и не вчера. Кто-то много лет складывал полезное и постыдное в один сейф, пока попытка проверить второе не стала угрозой первому.

Нира наклонилась над номерами шкал.

— Мне не нужны адреса и долги. Дайте соответствия часовым мастерским. Я разошлю закрытые предупреждения: владельцам нужно проверить шкалы после возврата.

— Сам факт предупреждения раскроет человека как донора, — сказал Север.

— Не как донора. Как владельца шкалы с нестандартным движением.

— И что вы напишете мастерам? «Не спрашивайте, почему в прибор возвращается украденная жизнь»?

— Напишу технические признаки и порядок помощи.

— Без согласия владельцев?

Нира сжала губы. Север воспользовался тем же принципом, который нарушала Мастерская: человек должен решать, кто узнает о его времени. Только теперь согласие стало стеной между пострадавшим и предупреждением.

— Можно отправить уведомления из архива, не раскрывая личности нам, — сказала я.

— Хранитель выбирает номера повторных изъятий, система сама печатает письма владельцам.

— Система не отличает кражу от спорной операции, — ответил Север.

— Мы отличили одиннадцать по повороту дуги.

— С уверенностью семь долей.

— Достаточной, чтобы не оставлять людей без проверки.

Он посмотрел на меня так, будто я наконец дошла до урока, который он приготовил.

— Семь долей достаточно для вас, когда риск несёт Мастерская. Но вы отказались считать девять долей достаточными, когда риск несли доноры.

Удар был точным. Я сама внесла в журнал цену прогноза и требовала, чтобы пределы называли вслух. Теперь мне хотелось действовать при меньшей уверенности, потому что бездействие тоже причиняло вред.

— Поэтому уведомление должно сообщать неопределённость, — сказала я. — Не приказ, не обвинение. Причина для добровольной проверки.

Рем повернул чистый лист и начал записывать.

— Закрытое уведомление владельцу шкалы. Без передачи сведений Палате. Проверка у выбранного им часовщика. Результат остаётся у владельца, если он сам не заявит о нарушении.

— И Мастерская оплатит проверку, — добавила Нира.

— Из каких средств? — спросил Север.

— Из платы за повторные колбы, — сказала я.

Варен поднялся.

— Эти поступления уже распределены!

Север остановил его одним взглядом.

В тишине стало ясно: деньги существовали. Значит, существовал и отдельный учёт незаконной линии, каким бы общественным резервом её ни называли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.